
Зимние астры (1996 г.)

* * *

Атмосферу любви
я слепил бы из солнечной глины,
обнажённой Земле
подарил бы покров голубой
и расплавил бы чувств
сиротливо застывшие льдины,
посмеялся бы всласть
над своей близорукой судьбой.

Я блуждаю давно
по холмам и оврагам пустынным,
мне навстречу бегут
почерневшие кости зверей,
а рассеянный свет,
несомненно, божественной глины
потерялся в узлах
вековых полумёртвых корней.

То врываюсь, как крот,
в пышногрудую тучную землю
и ползу наугад
в беспросветной и тесной глуши,
то желания вдруг,
как уставшие дети, задремлют
в подвесных гамаках
истомившейся за день души.

Исходил города
и дышавшие паром долины,
превозмог боль и страх,
и нервозность житейских тревог...
Атмосферу любви
я слепил бы из солнечной глины,
если б только я мог...
Если б только я мог.

---

* * *

Если бы сердце было послушно,
я научил бы его равнодушно
в колокол медный стучать.

Сытое счастье с робкой женою
я бы, как азбуку в школе, усвоил,
сдал бы экзамен на «пять».

Денег скопил бы, купил бы собаку
и не совался бы в каждую драку
с верою в разум людской.

И от восьми до семнадцати вскоре
строгий начальник в любом разговоре
был бы приветлив со мной.

Втайне завидую тихим пройдохам
так же, как Шарик завидует блохам,
спящим в лохматой спине.

Учат меня всякий день ежечасно,
только уроки беру я напрасно...
Да, и живу – на Луне.

---

* * *

Я людям желаю света, добра и счастья.
Я выхожу на улицу с открытым лицом.
Я допускаю нервную дрожь до запястий,
но сцепкою рук гашу её прыть. Потом

я разжимаю болью сведённые руки.
Я не хочу «передней подножкой» – всмятку...
Я только ловец свежих высоких звуков.
Я выразитель цветов, но только своей грядки.

Я ненависть выжег напалмом бессонных ночей.
Я людям обязан... я знаю, обязан... мы – квиты.
И всё же издёргал бесхозный багаж мелочей,
и лучшие мысли, как псы в подворотне, побиты.

И хочется верить во что-нибудь светлое. Но
почти не осталось земли, неокрашенной кровью...
Тем более к нам – в городское бездонное дно –
едва ли дойдёт – «Ниоткуда с любовью»...

---

* * *

Этот город построен для видных,
деловых, осторожных людей,
а кустарник цветёт безобидный
по краям аккуратных аллей.

Неприметен, как всё дорогое,
словно пудель, пострижен умно, –
это детство моё золотое,
это юность беспечная... Но

до сих пор слышу ножниц садовых
лязг и скрежет. И кажется мне,
что когда-нибудь вырежут снова
все побеги мои по весне.

А потом соберут, точно мёртвых,
и – в огонь; задымится кора...
Старый дворник в спецовке потёртой
подметёт чёрный след от костра.

Не о заводе

Заводской грубоватый народ
Рано утром уходит из дома,
Без него и завод – не завод, –
Просто груды железного лома...

Я причисляю и себя
к числу невежественно-грубых
и откровенья дней беззубых
воспринимаю не скорбя.

Я так устал от этих драм,
от этих травм и этих болей,
что и последнее отдам
тому, кто молча дышит волей.

И мы поймём, не свысока,
что так верней... А повод к ссоре
всегда найдётся в мёртвом море
без паруса и маяка.

Прикомандированный инженер

Он подошёл ко мне во время смены
и, как-то грубо вдруг заговорив,
спросил сверло...
Верстак открыв,
я дал ему сверло, с недоумением
следя за тем, как он пошёл к станку,
чтоб просверлить какую-то железку.

Работал он, как в неудачной пьеске
играет несложившийся актёр.
И понял я, что ни один суфлёр
не сможет подсказать, поправив дело.
Сверло рубило, спорило, скрипело,
как бы в упрёк тихоне-верстаку.

Я подошёл и сделал всё, что нужно.
Он засмеялся как-то неуклюже,
метнул ещё десяток грубых слов,
вставляя брань довольно-таки смачно
и, верно думая, что и нельзя иначе
с аборигеном заводских цехов.

---

* * *

Я уношу с завода только грусть,
когда захожу в себя, как в штопор, – пробка.
И, всё простив, я с миром расстаюсь,
мне гнев претит. Унылая коробка

ещё коптит угрюмо небеса,
вторую смену заглотив на ужин;
вахтёр-калека, словно на часах,
и даже есть какое-то оружие.

Я вырос здесь, но вырвался к другим,
наверно, лучшим... Но зачем, о, боже,
я вновь и вновь иду к глухонемым
и, веря, лезу из последней кожи.

О, сколько раз не цех, я видел – гроб,
и, думалось – не выдержу и струшу.
Как измывался надо мною сноб,
до синяков выкручивая душу!

А я горяч и вспыльчив, признаюсь,
но, поостыв, не дам заряда слову.
И уношу с собою только грусть,
и вижу в небе радуги подкову.

---

* * *

Я не очистился, о, нет,
а только вырвался оттуда,
где принимают за рассвет
начало дня; битьём посуды

и грубым окриком – Молчи! –
день завершается... А ныне
приходят образы в ночи
из той обыденной пустыни.

В отрыве легче видит глаз
оттенки, грани, силуэты,
как будто издали алмаз
надрезал вещи и предметы.

Не отрекаюсь, не стыжусь
себя вчерашнего. И снова
кнута и пряника страшусь,
как немоты пустого слова.

Да, будут счастливы они,
с кем нарушал уставы рабства!..
Прощайте, канувшие дни, –
моё унылое богатство.

1984-1992 г.г.

---

* * *

Я догоняю собственную жизнь,
но alma mater помогает скупю.
Следит за мной зрачком звериным рысь
и явно ждёт, когда споткнётся путник.

Я не ропщу, я благодарен ей,
пятнистой кошке, за азы науки.
И мутный взор становится светлей
от близости невероятной муки.

И я бреду по девственным лесам,
уже просвет виднеется, но всё же
я никому на свете не отдам
ни слепоты, ни прошлогодней дрожи.

И дорог путь не тем, что я постиг,
а тем, что, добывая плод ореха,
я шёл из мест, где редкой птицы крик
не слышит даже собственного эха.

---

* * *

Говорят, что несчастье роднит,
а большая беда – и тем паче.
Мой приятель был кем-то избит;
кто о нём хоть немного поплачет?

В переулке, таящем тоску,
закружило в шальной круговерти,
и ударил кастет по виску
только в двух сантиметрах от смерти.

Отрезвил их пугающий стон;
уступило безумие дрожи...
Где-то бродит по городу он,
корча встречным лукавые рожи.

---

* * *

Когда стихает буйство дня,
крылами машет вечер синий,
и он преследует меня
неподражаемостью линий.

Какие краски за окном...
Ни смерти не было, ни страха!
И даже грусть в тазу с бельём
лежит, как рваная рубаха.

Холодной трезвости страшусь,
махнув рукой на остальное.
И вновь, как дымом, задохнусь
желаньем мира и покоя.

Но в эти краткие часы,
когда меня случайно встретишь,
невольно выпавшей росы
в седых глазах ты не заметишь.

---

* * *

Птица моя с перебитым крылом,
кто растоптал твоё небо колёсами?
Я ль не кормил тебя сладким зерном,
я ль не поил тебя чистыми росами?

Вместе с тобою я плёл на заре
песен воздушных весеннее кружево
и улетал за тобой в сентябре
к солнцу кофейному берега южного.

Помнишь, как мы укрывали гнездо
от непогоды и взгляда недоброго?
Я ль не любил тебя, кажется, до
сердцебиения нежного, дробного...

Видно, и впрямь не залечишь крыло,
не защечечешь пичугою звонкою.
Всё по-иному сложиться могло,
если б не кружево, кружево тонкое.

Зимние астры

Зимних астр цветные многоточья
в облетевшем выцветшем саду
мой унылый быт порвали в клочья,
пробежали весело по льду.

Захотелось даже рассмеяться
над пустой, надуманной хандрой,
что пришла с усмешкою паяца
и смутила лживую игрой.

И с чего?.. Уже созревшим летом
ездил я на море, как большой;
тлел на пляже, юный и бездетный,
был обласкан пенною волной.

И, ныряя рыбой загорелой,
всё искал трезубец в глубине...
Аю-даг мохнатым грузным телом
явно покровительствовал мне.

Только стиль прибрежных поселений
ставкою на рубль золотой...
Но хватило редкостных мгновений,
чтоб закрыть глаза на остальной

меркантильный мир, где гнутся выи,
где по капле море продают.
А тем паче в тютчевской России
эти астры зимние цветут.

1988 г.

Вожак

И стае птиц необходим вожак,
немыслим треугольник без вершины.
И пусть внутри его совсем не так,
как думают...
С земли же виден парус журавлиный.

Но вожаку особые счета
предъявит время – ростовщик плешивый.
А сколько стоит эта высота,
спроси у ветра с золотистой гривой.

Следят за ним горошины зрачков;
от темноты их в небе не укрыться.
Устанет он, и гвалтом голосов
обрушатся и затерзают птицу.

И самый слабый, скрыв привычный страх,
сочувствием прикончит без стеснения...
А журавлиный парус в небесах
порвётся лишь на сотую мгновенья.

---

* * *

Стрижи нарежут воздух на полоски,
и выйду я, чтоб звёзды посадить.
А ветер, свирепеющий и хлёткий,
поможет ночью по небу ходить.

Медведица Большая белой влаги
черпнёт шутя из подвесной реки.
Кто запретит надеяться бродяге
на зёрнышки, упавшие с руки.

Далёкий мир мерцающих созвездий
позвал меня в густую пустоту,
и я шагнул к чертогам чёрной бездны
по скользкому скалистому винту.

По ветренности выпавшего фанга,
взяв в долгий путь бодрящего винца,
иду на свет... Да, не осудит Данте
за дерзость безбородого юнца!

Ступаю осторожно по ступеням;
всё холоднее воздух подо мной.
А Волга показала синей веной,
и крыша дома вымерла... Постой! —

шепчу себе, себя не понимая, —
ведь там внизу уютно и тепло...
Я оглянулся, духом обмирая,
но рухнули ступени, как назло.

И, отдохнув у бездны на пороге,
смахнув росинки с бледного лица,
решил идти, раз нет другой дороги,
до, может быть, бесславного конца.

Одной мечтою жив, по чьей-то воле
от холода и сырости дрожа, –
дойти и посадить в небесном поле
крылатое созвездие Стрижа.

Другу

Сердце живо в пустой груди.
В тусклый час мне не нужен грим.
Если хочешь войти – войди.
Если можешь – уйди к другим.

Доверяю слезам свечи.
С недоверьем смотрю я ввысь.
Если хочешь втоптать – втопчи.
Если можешь – не торопись.

За окном замерзает ртуть.
Воет ветер, как зверь лесной.
Если хочешь забыть – забудь.
Если можешь – побудь со мной.

Прошлой встрече сказал – Прости.
Проще было принять, как есть.
Если хочешь лететь – лети.
Если можешь – останься здесь.

Я оставил открытой дверь.
Снёс к старьёвщику ветхий хлам.
Если хочешь понять – поверь.
Если можешь – не верь словам.

Мысли лепятся в снежный ком.
В мире нет ни добра, ни зла...
Если хочешь – найди мой дом.
Если можешь – сожги дотла.

---

* * *

... Пусть не шумят,
А пусть поют поэты
Во все свои земные голоса!

Николай Рубцов

Моих друзей земные голоса
звучат во мне, не утомляя слуха,
и, точно серебристая роса,
питают листья и корни духа.

Лишь им я доверяю рвать плоды,
налившиеся отбродившим соком,
который отнимаю у руды
уже понаторевшим землекопом.

Какое счастье, ощущая дрожь,
горячим словом захлебнуться насмерть
и, добывая собственную ложь,
давить окурок в бежевую скатерть.

Всю жизнь нести бездонные глаза,
смотрящие в упор, как на дуэли, —
не это ли достойная стезя
и красный бакен, стерегущий мели?

Их груз тяжёл, как бригу паруса,
как путнику сума с последним хлебом...
Моих друзей земные голоса
звучат высоко под открытым небом.

---

* * *

Земная кастрюлька кипит от горячего света.
В ней варится много хороших и разных поэтов.

Чуть-чуть приоткроют руками зелёную крышку,
и пар ароматный взовьётся, как дерзкий мальчишка.

Там всё, что угодно: и свёкла, и лук, и картошка,
и перец-горошек, и соль, и томат, и моркошка.

А повар – мошенник, пройдоха, обманщик и хват –
гоняет по кухне безусых ещё поварят...

Простите, поэты, что вас уподобил борщу.
Вы ищите слово – и я втихомолку ищу.

А всё-таки борщ со сметанкою дивно хорош,
когда по тарелкам его черпачком разольёшь.

---

* * *

Я не хочу быть Чингисханом,
чтоб город русский захватить.
Мне б утолить тоску желаний,
но капли крови не пролить.

Побольше солнышка и неба,
поменьше отдыха и сна,
щепотку соли, корку хлеба
да кружку сладкого вина.

Любви и дружбы, если можно,
работы, чтоб забыть о том,
что возвращенье невозможно
в песочный маленький тот дом,

где детство шлёпало по лужам,
где было просто и легко,
где был и я кому-то нужен...
Теперь всё это далеко.

Чего ж ещё? Немного счастья,
везенья, что ли, хоть чуть-чуть
да чтобы хлёсткое ненастье
не омрачало лунный путь.

Гость

Мир, почти совершенный, распахнулся, как дверь
в дом ещё незнакомого друга,
и вошёл человек, а не Бог и не зверь,
не владея собой от испуга.

Приглашение к столу принял с трепетом он,
сел тихонько на край табурета.
Стол ломился от яств, и похоже на сон
было счастье внезапное это.

Выпив кружку вина, человек захмелел
и, забыв о безрадостной доле,
двинул друга под дых и убраться велел,
причинённой не ведая боли.

И хозяин ушёл, извинив дурака,
думал, – рухнут, не выдержав, стены.
Но живёт без забот и пирует пока
странный гость на комочке Вселенной.

---

* * *

Мир вечером становится ребенком,
и очертания его неуловимы.
И облака в воздушных распашонках
бегут куда-то мимо
событий, дел и пышных начинаний;
что им до нас, до скудных кутежей
в густом дыму? Я ощущаю кожей
их звонкий смех и невесомость знаний,
которые им не вредят ничуть.
А мы толпою выправляем путь,
как медный прут, закрученный и тёмный...
Ребёнок, друг, беглец неугомонный,
прими играть в весёлую игру,
не оставляй ютиться на юру.
Я так устал молиться букварю,
дыша по схеме, по календарю
сверяя мысли с заданным ответом...
Я растворюсь в невыразимой мгле
на щедро удобряемой Земле
твоим необъяснимо-ясным светом.

Муха

Живёт старушка в домике одна,
как вдруг осиротевшая наседка.
Приходит сын, всегда пьяней вина,
да изредка обрадует соседка
и всколыхнёт безвременье и быт.
Что говорить, у нас у всех открыт
счёт в банке одиночества. Но старость,
когда подруг-ровесниц не осталось,
а болтовня на лавочке претит, —
она живую душу тяготит,
которая довольствоваться малым
не может, и к тому ж ещё...
Не мне судить, могу я горячо
лишь защищать, что сердце угадало.
Сегодня праздник на её дворе:
сын обещал навеститься с семьёю,
и побежали ноги за водою,
и солнца луч расцвёл в календаре.
Давно готов душистый добрый плов,
и пироги с изюмом и вареньем,
лениво развалившись, без стеснения
дымятся, поджидая едоков...
А он опять пришёл, как в прошлый раз...
Что пользы в том, коль повторишь сейчас
слова пустой потрёпанной морали?
Из-за неё и так мы потеряли
покой и сон, и радость. Чёрт возьми,
так пусть она смеётся над людьми,
но не даёт услужливых советов

и кем-то заготовленных ответов,
что нагоняют грусть, тоску и лень.
Но, чу... В тот бесконечный день
поднялся сын с железной узкой койки;

мать полила из ковшика ему,
и он спросил рябиновой настойки...
И пить тоскливо было одному.
Но, похмелившись, мухам надоевшим
устроил он потешную войну...
Всплакнула мать: "Совсем ты плох, сердешный,
того гляди, завоешь на луну.

Не убивай оставшуюся муху,
пускай живёт да радует старуху..."
Потом, собрав внучатам узелок,
хмельного сына проводила взглядом...

.....
И долго шёл он, слившись с листопадом,
и под дождём до ниточки промок.
Но узелок донёс. И только муха,
напоминая сиротливый дом,
спать не давала и, жужжа над ухом,
касалась кожи тонким хоботком.

Попутчица

"Муж не любит", – сказала без грусти,
а в глазах затаилась тоска,
что издревле витает над Русью
и дарована нам на века.

Замолчала, сама удивляясь,
что язык повернулся... И вдруг
продолжала, почти задыхаясь,
словно я не попугачик, а – друг, –

"И гуляет, такой ненасытный,
и смакует, себе ж на позор.
Ладно, был бы беспутный, но скрытный, –
всё же, если не пойман – не вор..."

Что грустишь, молчаливый? А в общем,
я тебя обижать не хочу.
Незнакомому, знаешь ли, проще, –
как болезни расскажешь врачу..."

Что ответить? Моё ли тут дело,
перед долею женской – пацан!
Только стыд, будто плетью по телу...
А под нами белел океан.

И, свою понимая бездарность,
я смотрел на сидящих людей
и плечом ощущал благодарность
за молчание, нужное ей.

---

* * *

Сойти с ума от мартовской капли,
под звон сосулек вырваться на свет
и заиграть на тоненькой свирели,
и возлюбить обманчивость примет.

Возможны ли ещё приливы счастья
в такие дни, в такие времена,
когда стезя глухого безучастья
уводит в бред янтарного вина?

О, юность, ты мой поводырь бедовый,
молюсь тебе в предчувствии тоски,
и горький смех, язвительный и новый,
дрожит внутри и давит на виски.

Друзья ушли тайком, поодиночке,
и до сих пор очнуться не могу.
Но их следы, как тёмные цепочки,
ещё видны на тающем снегу.

Живу себе без смысла и без цели.
Поверить бы слепой надежде! Но
сойти с ума от мартовской капли
уже вовек теперь не суждено.

Маргарита

Наташе

Маргарита моя
непосредственна и откровенна,
но не верю в её
внешне очень внушительный гнев;
он проходит, как дождь,
и мой зонт высыхает мгновенно
и сгорает, как пух,
на лиловом дрожащем огне.

Беззащитна она
перед болью, наветом и слухом
и поверит всерьёз
даже брошенным ветру словам.
Но в смятении чувств
не всегда возвышаешься духом
и посеешь печаль,
и читаешь её по глазам.

И тогда хоть беги,
замолчит и не вымолвит слова;
даже если ты прав,
всё равно ты во всём виноват.
Но весенним теплом
пропитается воздух, и снова
незаметный цветок
замечает растерянный взгляд.

А когда я брожу,
утомлённый и всеми забытый,
горечь прожитых лет
утопив в сумасшедшем вине,
только стоит позвать:
"Маргарита моя, Маргарита!" –
и приветливый свет
замерцает в знакомом окне.

Пробуждение

Город льдиной дрейфует к рассвету
в чёрном море бездонной страны.
Замерзает дымок сигареты.
Покрываются инеем сны.

Детский плач застывает рябиной.
Гаснет свет в переплёте окна.
Над огромной безжизненной льдиной
гробовая висит тишина.

Но, прислушайтесь, вот уже где-то,
встрепенувшись, как сорванный лист,
и, стряхнув леденящее вето,
посылает сигналы радист.

И морзянка, срывая покровы
удивительно хрупкого льда,
пробуждает янтарное слово,
и копит, догорая, звезда.

---

* * *

В глухом краю жестоких и ранимых,
в сплетении судеб необъяснимых
я потерялся, как больной старик.

А время до того неуловимо,
что кажется потешной маской мима,
но видится за нею божий лик.

Ведёт дорога к пропасти иль к встрече,
не знаю я. Но хочется под вечер
тепла друзей у пламени костра.

А я бреду по жизни в одиночку,
но многоточьем заменяю точку
в конце строки, явившейся с утра...

---

* * *

Если в жизни моей будет всё хорошо,
я повешусь на первом суку
иль сотру своё счастье в такой порошок,
что заменит хозяйке муку.

А потом соберу в белоснежный пакет,
разнесу по соседним домам,
чтоб пекли пироги в каждой кухне, и свет
был начинкой к таким пирогам.

Отпыляет плита, и накроют на стол,
быстроногих накормят ребят.
А, увидев меня, скажут: "Гол, как сокол," —
и к себе, может быть, пригласят.

И от этих людей я счастливым уйду
по своим непонятным делам.
И опять обниму потаскуху-беду,
даже другу её не отдам.

Чем больше тебе, тем и выше ты сам,
если всё-таки верить чутью,
а не этим холодным, уставшим глазам
да припадочному забытью.

Есть в несчастьях людских что-то от облаков,
что, как мысли, парят высоко,
и пронзительней песня от груза оков,
и желание петь велико.

---

* * *

Покажите мне поле сражения,
где бы я незапятнанным пал,
где бы ум не терзали сомнения,
где бы труп мой не тронул шакал.

Где потом похоронят, как воина,
под нестройный ружейный салют,
и душа поглядит успокоенно,
как по кружкам вино разольют.

И тогда запишусь я хоть в гвардию,
хоть в резервный жирующий полк.
Будет солнце гореть над кокардою,
и взметнётся взволнованный шёлк.

Будет небо томиться от робости,
будет враг, как волною, накрыт...
Друг заплачет... и всё ж не без гордости
у могилы моей постоит.

Робинзон

Ненужный хлам, зачем
ты мне теперь?..

*Д. Дефо
"Робинзон Крузо"*

Вся Земля – это остров,
только очень большой.
Где-то там, за стеной
этих скучных домов,
есть и берег морской,
и песком похороненный остов
корабля, что разбился о скалы.
И развязкой казалось начало,
только жребий наш не был суров:
и одежду, и пищу, и кров
обрели. А на времени
ветхой отметке
отчеканили деньги. Как зверь
привыкает к периметру клетки,
мы привыкли теперь
к их зовущему, властному звону...
И завидую я Робинзону.

Памяти мамы

Мне хочется верить, что ты – жива
и в светлых чертогах твой дом,
что там, как и здесь, шелестит листва,
зелёная на голубом.

Быть может, и правда, когда-нибудь
ты встретишь меня, и мы
забудем – едва ли счастливый путь –
в пределах земной тюрьмы.

Теперь я сумел бы найти слова,
нежнее, чем лунный свет...
Ах, если поверить, что ты жива,
то, значит, и смерти – нет!

---

* * *

Судьба распоряжается, как хочет:
то заставляет плакать, то морочит,
то ссорит с другом, то мирит с врагом,
то катит на тебя огромный ком
из льда и снега.

То даст приют случайный и ночлега
случайное, но верное тепло,
то с женщиной сведёт и... Повезло –
подумаешь спросонок, но вернёшься
опять к своим заботам и опять
живёшь вслепую; некогда понять,
осмыслить и остановиться...

И только сердце продолжает биться,
тяжёлое, как колокол... И всё ж,
блеснёт рассвет и, словно подрастёшь,
забудешься и свежий день встречаешь,
от птичьих песен голову теряешь
и не клянёшь горбатую судьбу.
А день опять провалится в трубу...

Слон

Не хочу быть слоном
для потехи на улицах шумных,
а прокуренный дом
и созвездия в отсветах лунных
всё дороже больших площадей.

Только радость на лицах детей
раздаётся, как звучное эхо,
по асфальтовым джунглям
заставляя покорно ступать.
Но, бывает подчас,
и от их беззаботного смеха
содрогнётся нутро
и захочется пути порвать.

Ненавижу ремень
и потёртый ковёр с бахромою.
Наступающий день,
со вчерашней ещё маетою,
раздражает помпезностью фраз.

Знаю я, что не раз
серый слон, погоняемый бранью,
будет глухо дышать,
наступая на чёрный огонь,
и, дублёною кожей
к себе привлекая вниманье,
за конфетой, робея,
как хобот,
протянет ладонь.

---

* * *

Мне дым Отечества не сладок,
но не претит мне лёгкий дым,
когда листву сгребают с грядок
и жгут под куполом седым.

Люблю заплаканного сада
предзимний тусклый аромат
и чистоту, и листопада
уныло тлеющий закат.

И этот ветер беспризорный...
И всё ж, Отечество, прости
за то, что гроздь рябины чёрной
не умещается в горсти...

Саванна

А мы вчерашние, и ничего
не знаем, потому что наша жизнь
на земле тень.

Книга Иова, глава 8

1

Я – вчерашний,
и я – ничего не знаю,
потому что наша жизнь на земле
тень от большого баобаба.
Баобаб:
семейство бомбаксовых,
характерное для саванн Африки,
ствол в окружности –
до двадцати пяти метров;
живёт до пяти тысяч лет,
из волокон коры изготавливают
верёвки и грубые ткани...

2

Я смотрю на зверей
в свете тусклого дня, –
что-то в них – от людей,
значит, и – от меня.

Лев гиену задрал
после неких потерь,
чтоб добычи не крал
даже маленький зверь.

Но раздался, как гром,
рык царей молодых,
и за чахлым кустом
лев скрывался от них.

Подоспел свой черёд
и свирепому льву,
обагрив траву,
биться рыбой об лёд...

Стадо диких слонов
страшным рёвом сирен
жарко дышащих львов
превратило в гиен.

Но пришёл человек
к водопою слонов,
выбрал двух и навек
обратил их в рабов.

Ну, а что – человек?..
Тьмы и тления – раб.
Сколько сильных калек
задушил баобаб!

Круг за кругом отмерь
и куда ни взгляни, –
труса празднует зверь
в исполинской тени.

Труса празднует вождь
и согнувшийся раб...
Как ты долго живёшь,
светоч наш, – баобаб.

3

Я подарю цветам последний вдох,
и лишь цветам верну последний выдох.
Наверно, только им доступен Бог,
но никому в тени от баобаба.

Как мотыльки, дрожат они и всё ж
питаются и солнцем, и росой.
И мир на них нисколько не похож,
а, может быть, похож, но я не знаю.

Они кивают мне, и не скорбя
бреду я по слепому бездорожью...
А большего не нужно от тебя,
моя зверьём кишашая – саванна.

Своей дорогой

1

А всё же тоскливо от мысли,
что жизнь удалась, да не очень,
что поиски смысла повисли
над бездною многоточий.

В какие рассветные дали
стремился я лёгкою птицей,
а отзвуки нудной морали
пугали бесстыдством.

В стране удивлённого солнца
глоточек воды бы...
Но люди за зеркалом глянца
молчали, как рыбы.

Нас в школе лечили от скуки,
но мы понимали –
чем чище у совести руки,
тем лучше едва ли.

Завод приобщал понемногу
и к лени, и к хамству,
и кто-то попал на дорогу
тотального пьянства.

А кто-то в предчувствии стрижки
забился поглубже;
умом созревали мальчишки
не больше, чем нужно.

И рос я в рабочем заречье,
где дым коромыслом,
где гнуло к земле просторечье
безрадостных мыслей.

Где чувства, как малые дети,
мирились с позором...
Но вряд ли за это ответят
плюющие хором.

2

Не свет звезды, но костерок в ночи,
как светлый остров, выплывал, мерцая.
Но доверять – я сердце отучил,
а он пылал, сиянье излучая.

Но кто его средь темени разжёт,
кто с ночью заигрался в кошки-мышки?
И я, в траву забившись, как зверёк,
следил и ждал, баюкая нервишки.

Пришёл с реки задумчивый рыбак,
подсел к костру, дохой укутав ноги;
один, как перст, и, видимо, чудак,
каких не часто встретишь на дороге.

Лещи блестели синей чешуёй
ветвями ёлки на стволе-кукане,
и котелок с наваристой ухой
дымился и голодный мозг дурманил.

И я не смог, не выдержал, пошёл,
не зная сам – на счастье иль на муку;
река горела, как зернистый толь,
рыбак полушутливо жал мне руку.

Согрели чай, нашёлся табачок,
и разговор сложился между прочим.
И я тревогу мысли превозмог,
и только филин ухал, как пророчил.

А где-то выл полуночный шакал,
но свет луны печальным не казался.
И я, согревшись, взял и рассказал,
как по лесу дремучему скитался.

Но лишь рассвет раскрасил холст глуши,
уже я к дому шёл своей дорогой,
и что-то ясно билось под убогой
и жёсткой оболочкою души.

3

Стук да стук в бору глухом –
лесоруб, –
долго рубит топором
старый дуб.

Щепки брызгами летят
к небесам,
птицы бойкие галдят
тут и там.

В древних кольцах увязает
топор,
от ударов сотрясается
бор.

Как в расплавленном стекле –
лесоруб.
Но поклонится земле
старый дуб.

Не поили корни соками
ствол,
и стоял он вечно – гол как
сокол.

Птичьи песни гнёзд не вили
на нём;
под обильным ветви гнили
дождём...

Стук да стук в бору глухом –
прожил век,
спит под выцветшим плащом
человек.

Как-то дальше одному...
А пока
снится лестница ему
в облака.

А лестница упала, словно камень...
Цеплялся полусгнившими ветвями
трухлявый дуб за молодость земли,
дышал рассвет, но сны ещё цвели,
тревожа ум и помыкая зреньем
ночным, почти бредовым восхождением.

А шёл я ввысь к сиянию небес,
внизу двойник метался, точно бес,
кричал и звал, не веря в возвращенье.
Но я-то знал, что высота – спасенье,
что двум смертям на свете не бывать
и до звезды – уже рукой подать.

А воздух становился холоднее,
но согревал душистый хмель идеи,
и ветер, как ужаленный, носился,
но верил я и... наконец, пробился
сквозь гущу тьмы к источнику лучей,
который серебрился, как ручей.

Явилась взору мёртвая звезда.
Зачем я здесь? Зачем я шёл сюда?
Пророчит смерть витиеватый путь;
блестит звезда, как в градуснике ртуть;
разбей её, и ты поймёшь тотчас,
чем так силен светящийся алмаз.

И вздрогнул я, прикрыв глаза рукой,
а лестница скрипела подо мной,
и тело покрывалось коркой льда,
и хохотала мёртвая звезда...
Под утро я очнулся. Но с тех пор
к мерцанию звёзд не обращаю взор.

5

Извиваясь, корчилась дорога
в тусклом свете бледных фонарей,
не просил я милости у Бога
и, не озираясь, шёл по ней.

С детских лет вела она вслепую,
заменял пристанище – кювет,
и работал ум не вхолостую,
но изобретал велосипед.

Безысходность закаляла волю,
и лицо грубело на ветру,
а надежды на иную долю
отдавали горечью во рту.

Но из грязи вытащили чудом
верный друг и хватка цепких рук.
До сих пор пою я гимны людям,
проверяя сердцем каждый звук.

А в пути заминок было много,
но судья небесный не был строг.
И вела окольная дорога
к встрече непридуманных дорог.

Дети подземелья

Игорю Чурдалёву

Душили человеческое в нас,
а всё-таки силёнок не хватало.
И свет мерцал в полночный мёртвый час
для жителей подземного квартала.

Там был один забытый Богом дом,
где до утра блистали мыслью взоры.
И едкий дым висел под потолком
и вёл дневник, и слушал разговоры.

А наверху, на тёмных этажах,
давились сном, но спали даже стоя,
и по углам гнездился липкий страх,
и жирный клоп томился с перепоя...

Да и теперь доверчивой души
не тронет ток беспечного веселья.
Хотя – смотри! – выходят из глуши
стареющие дети подземелья.

Рубаи

* * *

Признательность великому Хайяму
невольню привела меня к исламу,
но я, как пасынок его,
взял для картины только раму.

* * *

Почти в разгар стремительного клёва
сорвался день с крючка у рыболова.
Но россыпь звёзд и трепет тишины
его надеждой ослепили снова.

* * *

Все говорят – нахальство – не порок,
а я своей беды не превозмог
и, госпоже прислуживая кротко,
смотрю на мир из камеры в глазок.

* * *

Мне говорит ханжа: Не делай так.
Чем тратить зря, дай нищему пятак...
Но мне велик ханжи халат махровый,
и я в своём живу не кое-как.

---

* * *

Нет сил внимать презрению без причин,
пусть я из тех, кто нёс твой паланкин.
На всё согласен... Но язык амбиций
лишь подчеркнёт молчание вершин.

* * *

Привет тебе, мой безутешный друг!
Опять хандришь? Скосил тебя недуг?
Что ж отдыхай. А я принёс с собою
интимный смех двух молодых подруг!..

* * *

Пошёл бы я искать иных путей,
где и себя не встретишь среди людей.
Но там, вдали от сутолоки жизни
иссушит ум идиллии елей.

* * *

Во имя жизни честью дорожу
и чёрным ходом к шаху не хожу...
Ты знаешь сам, что линия прямая
подобна заострённому ножу.

* * *

О чём тоскуешь ночи напролёт?
Кувшин вина, и сонм забот – не в счёт!
Меж берегами – низким и высоким –
река, как жизнь, взволнованно течёт.

---

* * *

Когда меня оставишь ты в беде,
и эхо усмехнётся – Где!.. ты... где!..
Скажу себе: дай Бог тебе удачи
сегодня, завтра, всюду и везде.

* * *

Люблю рассвет, когда он чуть блестит,
Пока у птицы песня в клюве спит,
и есть надежда, что с зарёю новой
она звончей, чем прежде, зазвенит.

* * *

Куда пойдёшь, когда размыло путь,
и ноша тяжела, и ноги, точно ртуть,
и некого спросить, и дождь, как слёзы?..
Ищу ответ... И слышу – Как-нибудь.

Равновесие (1998 г.)

* * *

Горы белой бумаги,
море синих чернил
да глоточек из фляги –
вот и всё, чем я жил,

если спросят однажды
выси вечных небес.
Остальное – не важно, –
ведь поэзия – лес, –

где найдёшь, где утратишь,
где споткнёшься о пень,
то "молчанку" подхватишь,
то вселенскую лень.

Но бывают минуты
точно взвешенных слов;
невозможно их спутать
ни с одной из обнов.

Даже кажется странным,
что пришли они в дом
из каких-то туманов
над заросшим прудом.

То ли птицы напели,
то ли ветер-флейтист,
то ли голос капли
просочился на лист.

Равновесие

Когда спокойно на душе,
когда с самим собою в мире,
просторно даже в шалаше,
и горизонт развёрнут шире.

Тогда и горы по плечу,
и море бед не больше блюдца,
и по небесному лучу
легко уйти и не вернуться.

И все-то правы в этот час, —
щедры, беспечны и не лживы,
пока густой, как туча, бас
вас не вобьёт в земную ниву.

И снова — бред и беготня,
и не хватает окоёма,
и мыло капает с коня,
и душит спазмою истома.

---

* * *

Какие злые времена,
какие горькие молитвы.
И снова в трауре – жена,
и вран скользит над полем битвы.

И здесь, от бойни в стороне,
слышно дыхание надлома.
А юный воин на коне
летит в неведенье из дома.

Что ждёт его на той земле,
где вместо почвы – пепелище,
где корка хлеба на столе –
всё украшение жилища?

У нас весна звенит ручьём,
и солнце, как большая дыня.
А за неведомым холмом
был бой, и воин пал во имя?..

Одиссей

Мне виделась древняя Троя,
объятая чёрным огнём,
и скоропись хлёткого боя,
вернее, не боя, а – бойни, –
глумился напалм над копьём.

И думал я: славные греки –
младенцы, в сравнении с тем,
как здесь выжигают навеки
былое величие стен.

Разрушен снарядами пушек
Приама роскошный дворец,
взметнулись летучие души,
но сложит ли песни певец?

И как я попал в это пекло, –
не знаю, не помню, не лгу...
А солнце от скорби померкло,
но я – ничего не могу...

Смеются безумные кони,
дымится горячий песок,
Эней не ушёл от погони,
и пуля пробила висок.

А боги, бессмертные боги,
утратив над смертными власть,
в свои удалились чертоги,
чтоб падшую Землю проклясть...

Но в росах умытое утро
взошло на руинах страстей...
О, боже, какая минута!.. –
вернулся домой Одиссей.

---

* * *

Жизнь ведёт к трагической развязке, –
ночь ли, день, приятного не жди.
Хорошо, когда читаешь сказки,
ожидая чуда впереди.

Волку быстро отутюжат шкуру,
глупый царь нырнёт в кипящий чан,
приведут судьбу свою к Амуру
Василиса и дурак – Иван.

Только явь не сказочно кусает,
норовит прикончить, не шутя,
и добра всё больше не хватает...
А в кровати слушает дитя

светлый миф о Золушке и Принце,
о цветах, что побеждают зло.
Пусть сегодня голодна лисица,
а у волка холодом светло

пасть... Да, свершится чудо,
побелеет в небе вороньё.
Я, до срока, лгать ребёнку буду,
свято веря в млечное враньё.

1995-2012 г.г.

---

* * *

Когда заносчивый босяк
в глухом подвале финку точит,
я знаю, что он миру хочет
сказать... И он мне – враг!

Что для него – «покой и воля»,
былых веков бездонный слой?..
И всё ж его завидна доля –
он не лирический герой.

И я среди ночи явно слышу,
как он ступает тяжело,
как льётся масло на сверло,
а по углам шныряют мыши;

как остывает зябкий нож
и жаждет в жизни передела...
Мне до него совсем нет дела,
но только вымысел – не ложь,

когда заносчивый босяк
в глухом подвале финку точит,
и сталь угрозой кровоточит,
и содрогается верстак.

Величайшая из заслуг

Я не завидую тому,
кто разъезжает на «мерседесе»,
не спит ночами и ждёт звонка —
ему незнакома та жажда песни,
когда на убыль идёт тоска.

Пустое место в его уставе
соцветье красок и гамма нот.
Его душа в ледяной оправе,
в железной клетке иных забот.

Преуспевать и не знать пощады,
за доминанту приняв расчёт,
не так-то просто... А звездопады
всё гуще, чаще из года в год.

Что тьме кромешной звезды паденье,
когда у неба не видно дна?..
Велит — и к солнцу сойдёт затмение
иль обернётся серпом Луна...

Пускай я буду бедней старушки,
просящей хлеба из жадных рук, —
спокойный сон на цветной подушке —
есть величайшая из заслуг.

Плюсквамперфект или давно прошедшее время

И потом я верю, что лёд разбить,
Возможно для форели.

Михаил Кузмин

Солженицын пугает. Конквест хлещет.
Второй Съезд Советов – только второй.
Экономисты что-то лепечут.
Сахаров – умер. И... Боже ты мой!

А я – гражданин СССР,
к несчастью, немного читающий
и ничегошеньки не понимающий
в политике достаточных мер.

Если выходит – "Форель разбивает лёд",
значит, – разбила. И мне почему-то
кажется – проклянется наш черёд;
пусть одному из немногих, кому-то...

Пройдусь до рынка, достану книжку
у выручалочек драгоценных
и заживу, как смешной мальчишка,
в отсветах истин, вечно нетленных.

Большого счастья просто не знаю,
но ведь оно, словно клумба, – цветное...
Вот и слова собираются в стаю,
льдину разбив, как страданье земное.

1989 год

---

* * *

Если одиночество
довести до абсолютной величины, –
получится звёздное небо,
и стихнет вьюга.
Представьте скорбящий лик
истерзанной в кровь страны
и нас –
не цепляющихся друг за друга.
Смотрите,
какие угрюмые лица,
бессмысленные глаза!
Мы забыли, как светится
оперение синей птицы,
но знаем, как
блестит чешуёй гюрза.
Мы устали от вопроса –
Who is who?
и приступов жёсткой воли.
Ах, если бы люди
стали звёздами! А наверху,
я знаю,
не будет боли.
И мы бы друг другу
свои посылали лучи,
умытые грустью познания...
И, может быть, стоит
людей хоть на век разлучить,
чтоб стать достойными
сострадания.

Вспоминая о спорте

Мы были чище и моложе,
и солнце весело горело,
и каждый городской прохожий
казался другом. Сердце пело,
когда мы с лёгкостью бежали
по кругу утреннего кросса,
и, как знакомых, провожали
нас все фонтаны на колёсах.
Хоть ветры нам не дули в спины,
лавровый дождь не обещали,
мы разбивали в крошку льдины
преград. Игрушечной печали
не верили. И был бы вечным
наш бег победный к пьедесталу,
когда бы этот купол млечный
не указал пути к вокзалу...

Ушло пленительное время,
как сон летучий, испарилось,
но как прекрасно птица билась
и лишь подсолнечное семя
клевала...

---

* * *

Как хорошо сегодня у реки
без удочек, снастей и рюкзака,
и мысли окрылённые легки,
и кажутся родными облака.

Душа моя влюблённости полна;
сомнения – нелепы и смешны,
и эта набежавшая волна –
чудесный дар невидимой Луны.

А рыбаки стоят на берегу,
поймают то ерша, то окунька.
А я свою удачу сберегу
и посмотрю на них издалека.

И просижу на камне до темна,
и по дорожке к дому не пойду,
покуда серебристая Луна
не клюнет на Полярную звезду.

---

* * *

Я в прошлой жизни был беспечной рыбой,
но не акулой, не китовой глыбой,
внушающей неодолимый страх,
а рыбкой маленькой, ныряющей в волнах, —
каким-нибудь неоном серебристым
с горящею продольной полосой,
играющим то камешком лучистым,
то зеленеющей косою.

Я убегал от сонмища чудовищ;
мальку, чтоб выжить, приходил на помощь
весёлый, юркий, безобидный нрав.
Но часто я, убежище избрав,
любил смотреть на этих сильных рыбин,
на их полёты из ночных глубин
и восхищался тайной синей зыби,
вблизи кораллов плавая один.

Палитра моря свежестью дышала,
и даже хищника природа оделяла
гармонией... И этот мир цветной
увлёл меня, открыв передо мной
своих богатств аквариум стеклянный...
И, кажется, что я, как гость желанный,
под сонный бред танцующих медуз
когда-то жил в плену у пенных муз.

---

* * *

Хорошо на привольной реке,
плещет молодь в прибрежной осоке;
сколько тайн у меня в рюкзаке –
заготовок прилежного доки.

Я уверенно шёл на рассвет
и перловку варил аккуратно,
и не помню тропинки обратной,
и к волне прикипел, как аскет.

Я заброшу подальше лесу,
поплавком залюбуюсь дрожащим.
Что – улов, когда эту красу
не заменишь и пеньем звенящим!

Есть и друг у меня – рыболов –
мастер тех остроумных уловов,
что в разгар искромётного клёва
заполняют садок до краёв.

И не хочется спорить с судьбой.
Ничего мне сегодня не нужно, –
лишь бы свет разливался жемчужный
над впадающей в небо рекой!

Разнежье

Памяти Е. В. Архипова

1

Мне симпатичен мой сосед –
рыбак, охотник и рассказчик,
каких немного... Мой совет
тебе, читатель, за образчик

не брать хмельного болтуна,
что чешет языком, как гребнем;
такой, махнув бутылъ вина,
угрей копчёных цедит бреднем.

Здесь разговор совсем иной,
совсем иные перспективы,
когда представишь над рекой
валов опененные гривы.

И на реке бывает шквал,
когда она ещё в разливе,
и молний огненный оскал
страшит задумчивые ивы.

И погибают рыбаки
во тьме воды за летом лето...
Но взрежут реку челноки,
как только клёв отменит вето.

Отнерестится сом-толстяк,
красавец-лещ отнерестится,
и вспомнят руки о снастях,
и приготовятся трудиться.

И вынут сети из воды,
и молока глотнут из кринок...
И все окупятся труды,
но как отменишь скорбь поминок?..

2

Когда от села остаётся погост,
и нет ни избы, ни колодца,
тогда, признаю, мир, действительно, прост
и верно безумным зовётся.

Когда-то здесь жизнь закипала ключом,
и рожь по полям колосилась,
и солнце всходило над каждым двором,
как Божья великая милость.

А ныне – кресты, кресты да бурьян;
тропы не видать за холмами, –
как будто ушла в беспросветный туман
людская короткая память.

Лишь изредка кто-то пройдёт стороной,
мелькнув невесоמוю тенью,
и ворон клювастой встряхнёт головой
и гордо осмотрит владенья.

3

Есть у охотников обычай,
такой, казалось бы, простой –
завоеванье тушки птичьей
с подачи утки подсадной.

Её лелеют, холят вволю,
питают хлебом и зерном,
чтоб не кляла девичью долю
и звучно крякала потом.

Её с младенчества готовят
к слепой прелюдии любви...
И селезень не прекословит,
и умывается в крови.

Летит на зов её отважно,
себя считая молодцом,
но Шейка Серая – продажна,
и не бывать ему отцом.

А если чудо совершится,
и утка вынянчит утят,
весною драма повторится,
но гуще перья полетят...

Есть у охотников обычай,
такой, казалось бы, простой –
завоеванье тушки птичьей
с подачи утки подсадной.

4

Есть традиция в русском Разнежье –
перед святым Воскресеньем Христа –
собираться селом и прилежно
избу, каждую, мыть дочиста.

Чтоб сияли они перед Пасхой
от конька до широких ворот,
чтоб дышал белизной угол красный,
и урчал привередливый кот.

Всё ж загадочны русские люди:
как возмутся за дело гуртом –
заблестит, как яичко на блюде,
даже ветхий заброшенный дом.

Если пьют – до последней рубашки,
до безумств бесшабашной души;
рвут друг другу кресты и тельняшки
и ревут, как медведи в глуши.

Волга кормит – щедра и безбрежна,
вся природа по-детски чиста...
Не нарадуюсь я за Разнежье –
перед святым Воскресеньем Христа.

1998 г.

---

* * *

Нас заставляют тихо вымирать,
а мы ещё и пишем под сурдинку,
и любим о далёком помечтать
под старую забытую пластинку.

Ещё мы живы и полны добра, –
как вёдра у хозяйки после ливня,
и золотая нам знакома середина –
опрятной зрелости молочная сестра.

Ещё мы дышим воздухом строки,
а воздухом страны дышать не смеем –
иначе безнадежно заболеем,
попав на ледяные сквозняки.

Ещё с собою спорим горячо,
привыкшие к дождю и бездорожью,
и чёрный хлеб не добываем ложью,
предчувствуя грядущего – плечо.

---

* * *

Я рассказываю себя людям,
превращая слова в ноты.
Но бездарно солируют будни
и вот-вот доведут до зевоты.

Я как будто на доньшке ямы
и привык к отведённому месту;
потихоньку пою свои ямбы
и почти не мешаю оркестру.

Остаётся мечтать о немногом,
бинтовать равнодушием раны
и угадывать берег в тумане,
и великое видеть в убогом.

Нет в душе ни ехидства, ни злобы, —
лишь печаль, обращённая в звук,
да и то для того только, чтобы
ветер струны не вырвал из рук.

Поэзия

Поэзия – слишком чуткое искусство,
чтоб называться – литературой, –
лакмусовая бумажка,
фантастическая реальность,
свет луны в оконной раме,
летучая рыба над бликами моря,
музыка тропического ливня,
светляки, мерцающие, как звёзды,
мозаика метафор,
шторм и штиль океана,
многозначность многоточий,
размеры без допусков,
запредельная точность,
случайная закономерность,
логический парадокс...
И, вместе с тем,
всего-то несколько строк,
доверчивых,
точно дитя в люльке.

Баланс

Баланс есть равенство сторон,
а равновесье – приступ воли,
когда уходят в небосклон,
посыпав хлеб щепотью соли.

В слепой пришибленной глуши
ещё поэт не ставит точку,
и тихо смотрит из души
судьба в разорванной сорочке.

А он её латает вновь,
не опускаясь до проклятья, –
ведь только вечная любовь
подарит ей отрез на платье.

---

* * *

Я обречен любить и помнить
всех тех, кого встречал всерьез,
и провожал всегда без слез,
но и пробел не мог восполнить.

Да и теперь, когда осенний
пейзаж мне грезится в дали,
они мелькают, точно тени,
не отрываясь от земли.

Им нет числа, их слишком много,
им тесно в памяти моей...
Ах, эта скользкая дорога
и звезды вместо фонарей!

---

* * *

Дмитрию Амбарову

Он удивляет как-то сразу,
на фоне серых склочных дней,
тем, что подолгу ищет фразу
среди блуждающих теней

воображения и света,
их зашифрованной игры,
где примитивного ответа
не может быть. И где миры

иных туманных измерений
живут, сливаясь в дивный хор,
где многозначность откровений –
тончайшей вышивки узор –

не унижает размышленье
идеей бренности судьбы;
где труд, познание и терпенье –
приятели, а не рабы...

И мысль свежа на перекатах,
когда ныряет из глубин,
как гибкий, лёгкий и крылатый
над морем пенистым – дельфин.

А тайный жар земного чувства
и многомерность бытия
даруют чуткому искусству
своё божественное – Я.

Сосед

Он дарил мне индийских книг
вековые любовь и мудрость.
Что-то принял я и постиг,
что-то мимо прошло, как юность.

Вечерами сходились мы
в тесной кухне за лёгким чаем,
и кусочек земной тюрьмы
становился неузнаваем.

Стены таяли, точно лёд,
и стальные решётки меркли;
если лотос в стекле цветёт,
не страшит даже приступ смерти.

Мы и спорили иногда
на распутье извечных истин, —
я свой путь принимал, как дар,
хоть и был он, и будет мгlistым.

Он твердил: есть Любовь и Бог,
в остальном нет и капли смысла,
и судьба на Земле — виток,
серп беспечного коромысла.

Но и споры сближали нас,
и минуты, когда ни слова...
Где-то он, мой сосед, сейчас
за порогом иного крова.

Я же песне молочный брат,
не по собственному хотенью,
и, как маленький, слишком рад
неслучайному стихотворенью.

---

* * *

А крылья, что живут ещё под кожей,
каким-то чудом держат на земле;
не хочется пустое время множить
на лень в квадрате или тень в петле.

Не хочется до утешенья плакать
иль жаловаться небу на судьбу;
уж лучше боли успокоить дракой,
чем спину гнуть и дать взойти горбу.

Уж лучше... Я не знаю, что же лучше,
чем лёгких крыльев обоюдный взмах
и песня, точно в приступе падучей, —
у равнодушной прозы на глазах.

---

* * *

Не синица в руке дорога,
не её поминутная песня,
а журавль в небесах и строка,
от которой и во поле тесно.

Не синица в руке бережёт
от нелепостей, бреда и лени,
а журавль в синей выси плывёт
и ведёт по воздушным ступеням.

Что синица в руке? Только тлен,
только повод для зависти жгучей...
А журавль поднимает с колен
и смеётся над сизою тучей.

Он курлычет в своём далеке
независим, красив и упорен,
а синица ютится в руке,
ожидая не жертвы, а – зёрен.

Сонет

Я сам в себе копаюсь тридцать лет,
стихосложение чередуя с чтением;
мне по душе классический сонет
с его математическим строением.

Я постигаю даже лунный свет
и к облакам гоню воображение,
но сам в себе встречаю с удивлением
мерцание неведомых планет.

Себя не знаю и себя стыжусь,
когда поглубже в омут окунусь.
Иль зеркало досталось мне кривое?

И я дружу с познанием на земле.
И все пылинки вижу на стекле.
И не владею собственной душой.

Свет

Я видел свет неоновый в окне
среди разлившихся чернил беззвёздной ночи,
и он мерцал предупреждением мне;
я постигал язык его... и точно
исполнил всё, о чём он говорил...
Я вспоминаю дрожь свою и шок,
сопровождавший дышащий поток
неведомых и неизвестных тайных сил.
Я выходил на кухню и курил.
Я был один. Глаза слезились. Утро
покуда не добавило белил
во тьму. Казалось, будто
оно и не вернётся вновь сюда.
Я, как челнок, из комнаты на кухню,
из кухни в комнату сновал и ждал, когда
же, наконец, без чувств я на пол рухну...
Но свет угас, покинув крест окна,
и ночь опять легла чернильной шторой.
Я потрясён был до корней, до дна
души, в бессмертии которой
уже не сомневался с той поры,
когда я был свидетелем и даже
участником таинственной игры
иных миров, явившихся среди саж
моих желаний, помыслов, страстей,
не помыкавших, но затмивших разум,
похожих на липучую заразу,
на звенья цепких кованых цепей...

---

* * *

Мир
и без множества важных людей
Светел,
как ландыш душистый;
что ему бюсты народных вождей,
доисторический бред площадей,
гладкий наш путь иль тернистый.

Мир
и без множества важных особ
Дышит
спокойно и ровно;
пусть, как пузырь, надувается сноб,
кровью друзей упивается клоп,
молнии мечет чиновник.

Мир
и без множества важных персон
Прост,
как ребёнка рожденье;
мука и радость, зерно и бутон,
первой капли малиновый звон,
свежей зари пробужденье.

---

* * *

Мысль о Творце приходит, точно свет,
когда не ждёшь от жизни потрясений,
и, удивляя суету сует,
сияет над осколками сомнений.

И как-то легче на Земле дышать,
и Путь прозрачен, точно воздух синий,
и хочется не плакать и роптать,
а лепетать на вымершей латыни.

Парит планета в жуткой пустоте
и кое-как цепляется за вечность;
нам не дано постичь вершины те,
которые уходят в бесконечность.

И всё равно надежда так близка,
и высший смысл сокрыт в самопознание,
хоть беззащитен домик из песка,
а встреча предвещает расставание.

Душа и Время

*Ночь. Душа, слегка утомленная, появляется в жилище
Времени. Начинается диалог.*

Д у ш а

– И все же я бессмертна, Время,
напрасно ты меня теснишь, –
не может все людское племя
забыть, как режет воздух стриж.

Пока щебечет в роще птица,
и мукой тешится поэт,
моим кострам в ночи светиться
тебе и людям не во вред.

В р е м я

– Душа, Душа, а ты все та же,
как десять, двадцать лет назад,
глаза полны любви, и даже
в косе не серебрится прядь.

Но мир сейчас подобен топке,
в фаворе денежный мешок,
и жизнь давно не терпит робких,
но твой приятен голосок.

Д у ш а

– Тебе бы все шутить, быть может,
я зря явилась в сей чертог,
но твой галоп меня тревожит, –
ведь над людьми все тот же Бог.

В р е м я

– Душа, Душа, они... торопят,
не я пришпорило Часы, –
они же все сегодня копят,
и в каждом доме есть весы.

Они, как будто заболели,
тебя в себе не узнают,
иные ценности и цели,
иные песни здесь поют...

Д у ш а

– Все это, друг мой, небылицы,
слегка прикрытые быльем, –
чем дольше дремлет горло птицы,
тем гуще звуки зреют в нем.

Ты все же дай им передышку,
не торопи своих коней, –
пускай Часы бегут потише, –
хоть на минуту помягше!

В р е м я

– Ну, как тебе откажешь в малом...
Прости, сестра, рассвет. Пора...

Д у ш а

– И я с тобой чуть-чуть устала,
уже недолго до утра...

Они прощаются. Душа растворяется в воздухе. Светает.

Свет мой (2001 г.)

* * *

Нам не грозят ни слава, ни успех,
не скован дух значительностью ложной;
я проповедую иронию и смех,
любовь и свет, и волю в век тревожный.

Ещё сказать хотелось бы тебе,
мой лучший друг, читатель мой и критик,
о том, что есть прекрасное в судьбе,
и пусть уйдёт с дороги старый нытик!

Нам не впервой нести суму и крест, —
а чем ещё нас испугать могли бы?
Пускай в трамвае нет свободных мест, —
нам хорошо в глубинке на отшибе

и слушать звёзды в полночи глухой,
и быть с самим собою не в разладе,
и мысль водить на лунный водопой,
по пояс утопая в листопаде.

---

* * *

Я сделал меньше, чем дано мне было;
гордиться нечем... Впрочем, не остыло
моё перо, покой – не по нутру;
ещё ловлю я рифму поутру,
закинув мысль, как удочку, подальше.
По-прежнему претит мне призывок фальши
и нет охоты жижу бередить.
Пускай она век доживёт спокойно, –
от этого не горько и не больно,
а радость мимолётна... Может быть,
когда-нибудь и вспомнят нас, беспечных,
как будто и не живших в мире млечном,
не совершивших ни одной строки...
А если и не вспомнят, не заплачем,
но пожелаем счастья и удачи
тем, кто захочет надорвать пупки.

---

* * *

Я не устал платить сполна
за каждый вдох и выдох неба
внезапным холодом ночлега,
когда бездарно лжёт струна.
Я не устал платить сполна.

Я не устал ходить пешком,
когда другие едут в улье
и, отделив тела от стульев,
выходят в ночь перед дождём.
Я не устал ходить пешком.

Я не устал не кушать власть,
боготворю иную пищу,
она дождя грибного чище –
моей души моя же часть.
Я не устал не кушать власть.

Я не устал плодить долги:
кому я должен – обещаю;
кто задолжал – вернуть не чаю,
как птицу, взмывшую с руки.
Я не устал плодить долги.

Я не устал благодарить
друзей своих и женщин милых
за украшень дней унылых
и за везение – творить...
Я не устал благодарить.

---

* * *

Мне сорок с хвостиком. Весна
опять надеждой нежит душу,
и по-иному солнце в лужу
глядит. Воспрянув ото сна,
в корнях деревьев бьются соки,
и по ночам строчат пророки
свои бестселлеры. И мне
бродить с улыбкой по весне
никто, признаться, не мешает...
И всё ж чего-то не хватает:
уже, я чувствую, не тот
костёр в ночи, и нервный опыт
так непохож на птичий клёкот
и на безудержный полёт,
что даже как-то стыдно... То ли
я исписал земные боли,
иль это март меня томит,
иль старый друг мне не звонит,
иль, может быть, хандра-старуха
лишила зрения и слуха.

2001 г.

---

* * *

Я обречён на одиночество,
я обречён.
И всё ж легко рифмую – творчество –
под всплеск времён.

Я выбрал эту тропку жгучую,
я выбрал сам.
Иль, может быть, она – певучая –
ввела во храм,

где вместо купола узорного
весь свет небес,
и звёзды, вечно беспризорные,
как древний лес.

А жизнь летит неугомная
стрижом в пике.
И на речушке лёд не тронется,
когда в строке

ты, как купальщик, обнажаешься,
и нет щита,
и над тобою потешается
судьбы тщета.

И, точно тайное пророчество,
со дна времён –
ты обречён на одиночество,
ты обречён.

---

* * *

Ах, боже мой, какое наслажденье
читать Акутагаву Рюноскэ! –
Дух держится на тонком волоске,
но бабочки целует он виденье.

"Жизнь идиота" – это обо мне,
и "зубчатых колёс" оскал пугает,
когда живёшь в огромнейшей стране,
которая тебя не замечает.

И всё равно, пусть нас дробят, как мел,
а наши книжки задохнутся втуне,
я благодарен небу и фортуне
за этот неожиданный удел.

1997 г.

---

* * *

Просто лёжа на поляне,
в километре от жилья,
запивая воздух пряный
чистой трелью соловья,

и, рассматривая утро
сквозь душистую листву,
можно сбросить гнёт минуты,
пряча мысли в синеву.

Опустив глаза пониже,
тотчас видишь пред собой
мир, как облако, подвижный
и, как юность, молодой.

Там кипят такие страсти,
что не ведал и Гомер;
ты в плену у хрупкой власти,
как прозревший Гулливер.

Невесомые букашки,
свой оспаривая рай...
Шевельнуться как-то страшно, —
вдруг поранишь невзначай

скрипку крошечной цикады,
лепет бабочки лесной,
паучков седые пряди
в мураве густой.

---

* * *

В жутком свете ночных вакханалий,
когда клоп выползает, чтоб пить,
боже мой, как они не устали
эту бедную землю делить.

За столом, где хрустальные звоны,
и в бильярдной, где бархат и шик,
ежечасно меняет короны
неизбывный российский тупик.

Суэта полноводна, как море,
без буёв, берегов и границ.
И солисты теряются в хоре
среди лениво лоснящихся лиц.

В двух шагах от ночных вакханалий,
в стороне от минутных утех,
расстилаются лунные дали,
и мерцающий слышится смех.

Небеса, как бездонная чаша;
свет лилов и душист, как сирень,
и надеждой, как краской, окрашен
на востоке родившийся день.

Читая Ницше

От маленьких людей уходит Свет,
от маленьких людей Любовь уходит;
где жил огонь, там зверь матёрый бродит,
а на земле его не виден след.

Он маленьких людей ведёт, урча,
и в темноте победно точит когти;
давно пора уже кусать им локти
и сон прогнать, как ворона с плеча.

Но маленькие люди таковы,
что невдомёк им скрытое от глаза, —
они ведомы сумрачной заразой
и не посеют даже трын-травы.

Они тучнеют не на склоне лет
и вряд ли помышляют о возврате
туда, где дни бесцеремонно тратят
и удивлённо слушают рассвет...

---

* * *

Ах, боже мой, повсюду вижу маски,
условности и откровений бред,
а зимний день, как бисер, мечет краски,
и снег, мерцая, впитывает свет.

Больные мы, угрюмые паяцы,
затравленное бедное зверьё,
как будто кто-то, добрый, вырвал с мясом
любовь, как бесполезное старьё.

Всё – показуха, всё у нас фальшиво,
правдива лишь завистливая плоть...
А зимний день сияет молчаливо,
и солнце на снегу – не прополоть!

---

* * *

Как всё-таки мало на свете людей,
похожих на стройных больших лебедей,
достойно плывущих по глади.

Как много поэтов, как мало имён,
дошедших до цели под плач похорон,
предвидевших свет в листопаде.

Как всё-таки мало на свете друзей,
как много слепых королей и ферзей,
чеканящих шаг на параде.

Как мало на свете святого огня,
как много воды в русле белого дня,
мгновенных смертей в водопаде.

Как всё-таки мало на свете любви,
как много печали. И всё же – плыви –
пернатого паруса ради...

Моя сиамка

1

Она будит меня каждое утро,
она ждёт меня каждый вечер,
она душу мою в минуту
гладкой шерстью, как лекарь, лечит.

Она тотчас отвесит сдачи,
если хлопнешь её ладонью;
ведь она, мой друг, не болонка –
как и я, она редко плачет.

А глаза её – синий омут,
и зрачок полон чёрной влаги...
Но уже привыкает к дому
этот маленький ком отваги.

Приручаю её, но сам я
приобщаюсь к повадкам гордым;
эта кошка – насквозь сиамка
и не рада гостям недобрым.

Не балуешь её как будто,
и душе похвалиться нечем...
Она будит меня каждое утро,
она ждёт меня каждый вечер.

Два внимательных вишнёвых глаза,
в чёрном бархате хвост, лапы и лицо;
когти спрятаны, но точно из алмаза,
и с востока меховое пальтецо.

Эта кошка – друг мой безответный,
статуэтка в доме на ковре,
пробуждение в час передрагсветный
и удачный день в календаре.

Поругаешь – бродит, точно бука,
отвернётся – словно божество;
не проникнут знанье и наука
в это колдовское естество.

Заболеешь – греет лучше грелки,
знает Ваши боли назубок.
И, в сравненье с нею, просто мелки
наши разум, сила и шесток.

1999

Этот век кончается нескладно:
над Россией тучи воронья,
и несчастья, точно водопады,
изобилье гордого вранья.

Господи, да сколько нам скитаться,
из чужой посуды пить да есть,
над скорбящей Родиной смеяться,
продавая за бесценок честь.

Иль не мы повинны в наших бедах,
иль не мы послушно спины гнём?..
Нам с трибун толкуют о победах,
а добычу делят с вороньём!

Нас ведут, как агнцев на закланье,
в пустоту, в неведомый предел.
Господи, ведь мы Твои созданья,
отчего ж мы вечно не у дел?

Почему так дали безотрадны,
почему так бесхребетна власть?..
Этот век кончается нескладно.
Новый век ощеривает пасть.

---

* * *

Не может быть, чтоб век грядущий,
стремясь в компьютерную даль,
забыв язык зелёной пуши,
лишь верной прибыли алкал.

Не может быть, чтоб дух эфира
покинул хрупкую юдоль,
а вместо всей палитры мира
была в ходу аэрозоль.

Не может быть, чтоб жизнь не пела,
а только маялась в плену,
в своих кубических пределах
терзая свет и тишину.

Не может быть, чтоб были смыты
слова, зовущие в рассвет,
а мальчик, маленький и сытый,
знал: мама, папа... интернет.

Не может быть, чтоб вслед идущий
ценил не ёмкость, а – эмаль...
Смотрю я робко в век грядущий,
в его стремительную даль.

Искушение

В комнате бездомна тишина, –
сердца с сердцем спор;
молода и хороша она,
только я – не вор.

Искушенье всё же не вина
и не тяжкий грех;
а в окне глазастая луна
затаила смех.

Но стряхнул я невесомый бред
и ушёл тотчас...
И звезды нерукотворный свет
в небесах не гас.

Благодарен я за млечный миг
и такой исход.
А в моём окошке лунный блик –
как запретный плод.

---

* * *

Жёлтый цвет – не цвет измены, –
цвет и счастья и тепла,
цвет желанной перемены
тёмно-синего стекла.

Цвет лучистый и горячий,
как пшеничный каравай;
и слепец душою зрячей
видит неба светлый рай.

Цвет надежды в тьме кромешной,
глаз морского маяка,
цвет капустницы безгрешной
в тельце нежного цветка.

Диск Луны в святой купели,
трав целительный настой,
цвет осенней акварели
в раме солнца – золотой.

Под дождём

На улице дождь и прохлада;
черёмуха в пышном цвету
в объятых весеннего сада
теряет свою красоту.

Две милых смешливых девчонки,
не глядя в сырой небосклон,
надев понарядней юбчонки,
играют шутя в бадминтон.

И что им до хмурых прохожих,
что прячут глаза под зонтом, —
воланчик, на счастье похожий,
над сеткой взлетает стрижом.

Посмотришь в себя — удивишься —
ужели вот так же я мог...
Сейчас же и выйти боишься
без шляпы, плаща и сапог.

Спасибо девчоночкам этим
за проблеск в оконном стекле...
Бессмертной поэзией — Дети —
являются на Земле.

---

* * *

Жалею всех, кого ни встречу,
каким-то внутренним чутьём,
особенно, когда ручьём
стекают мысли в летний вечер,

как в синий омут, и когда
наедине с самим собою,
и пониманье, не пустое,
пронизывает корку льда.

Жалею всех – траву и птицу,
с небес слетевшую звезду
и неминуемую беду,
что в окна дождиком стучится.

Жалею всех за то, что смертны,
за то, что радость так близка
и всё ж неведома пока,
и, как дымок от сигареты, –
неуловима...

---

* * *

Я задышал спокойнее и глубже, –
наверно, зрелость заявила в дом,
и по-отечески я стал как будто дружен
с моим кофейно-бежевым котом.

Сам удивляюсь трезвости прозрачной
и взором не пытаю небосвод;
метафорой не тешусь многозначной,
но тешит чистота зеркальных вод.

Я задышал спокойнее и глубже, –
так дышит море между двух планет, –
не потому ли стал, как воздух, нужен
неведомый и недоступный Свет?..

---

* * *

Только свет изнутри,
только ровно мерцающий свет
может зренью дарить
постижение тайных примет.

Он наитью сродни
и не ведает явных преград,
и украшены дни,
и шуршат, как сухой листопад.

И надежда жива
в неприметном свеченье души;
умирают слова,
задыхаясь в отливах глуши.

Гаснет в небе звезда,
засыпают эпохи вождей;
испарится вода
в кучевых океанах дождей.

Облетят октябри,
и отмечут икру тополя...
Только свет изнутри
чуткий спутник планеты – Земля.

---

* * *

Тяжёлый сон похож на бред,
а бред сродни преддверью ада;
ему в ночи не скажешь – нет –
как алой пасти листопада.

А мысль на ниточке, хоть плачь,
и мураши в глазах – по кругу...
И только Свет, как чуткий врач,
пройдёт ланцетом по испугу.

---

* * *

Любовь и Свет. Всегда Любовь и Свет
питают даже пыльную дорогу;
им на земле и в небе равных нет
по высоте и замыслу, и слогу.

Они в ночи, как два больших крыла,
как две огромных повести о счастье...
Куда бы Вас судьба ни увела,
какие б Вас ни мучили напасти, –

доверьтесь им наедине с собой,
на островке вечерних размышлений,
и, может быть, вдруг обретут покой
у дна души мятущиеся тени.

И этот миг хоть краток, но велик,
и эта жизнь бессмысленна, но свята...
Любовь и Свет – единый млечный лик,
и Красота, как сердце, – не распята.

---

* * *

– Боги, боги... какая пошлая
казнь! Но ты мне, пожалуйста,
скажи, ведь её не было?

– Ну, конечно, не было... тебе
померещилось.

М. А. Булгаков
"Мастер и Маргарита"

Он даже казнь свою простил,
не снизошёл до наказания,
а на кресте остаток сил
Его покинул. Без вниманья
звучал во тьме молящий глас,
и умер Он не в добрый час...

Что ж палачи? Они, как люди,
глаза их воском залиты,
они сильны, как вошь на блюде,
под рёв бушующей толпы.

Не мне судить их долю злую,
не мне, мой друг, рубить с плеча;
я выбрал бы стезю любую,
но не секиру палача.

Его судьба безинтересна,
ведь он из свиты сатаны;
не для него ручьётся песня,
врываясь в область тишины...

А Он простил и хохот мерзкий,
и ложь предательства, и страх.
Но как постичь тот Свет небесный
в Его расширенных зрачках?

Да, Он, конечно, Сам наметил
сценарий и предвидел Роль...
Но, пусть мне скажут, кто на свете
ещё прощал такую боль?..

Поэт и Горожанин

Г о р о ж а н и н

– О чём, поэт, ты плачешь втуне?
Твоё призванье не в чести.
А в городском нестройном шуме
ты, как юродивый, прости.
Ты посмотри: один торгует,
другой баклуши бьёт, но – хват!
Путана деньги телом чувствует,
иной молчанием богат
иль неким знанием уютным,
иль ремеслом владеет он;
пускай горит сиюминутным,
но для него, как благо, – сон.
А ты о чём-то всё мечтаешь,
извёл, поди, бумаги пуд!
Как рыба, воздух ртом хватаешь,
но так далёк небесный пруд.
Стихи не кормят и не греют;
зашёл бы, что ли, хоть в журнал...
И птицы спят, когда стемнеет,
а ты рисуешь идеал.
Не будь смешон и жалок тоже,
найди себя и брось перо!
А всё, что грудь вотще тревожит,
как мир, убого и старо.

П о э т

– Вы правы... Да, во всём Вы правы,
хорош и краток монолог.
Нам век шальной диктует нравы,
а жребий горек и убог.
Но мы, покуда есть дыханье,
беспечно будем рисовать –
не паровоз фундамент зданья
и не уста, что могут лгать.
Но дух и поиск бесконечный...

Г о р о ж а н и н

– О чём он, Господи, лепечет,
в безумье тусклое одет?..

П о э т

– И мудрость, лёгкая, как свет.

Млечный сад (2004 г.)

* * *

Как ни глумится жизнь над нами,
как ни стремится обойти,
а мы жонглируем словами
в гостях у Млечного Пути.

Какие б ни были у рынка
свинцово – гибкие шаги, –
лепечет скрипка под сурдинку
в руках у чуткого слуги.

Как выжигают в нас святое,
как мрачно втаптывают в грязь, –
но почему всегда изгой
через века идут, смеясь?

Ужели верить конъюнктуре,
как в Каракумах, – миражу,
бояться мести злобных фурий
и потерять свою межу?

Нет, нет, мой друг, не поддавайся
на удочку чужой хандры,
в рассветной музыке купайся
и мимолётностью игры
дыши...

Земные этюды

1

Земные этюды?
Подумаешь, – новость,
мольберта – причуды,
знакомая повесть...

Мой милый читатель
и строгий ценитель,
Вас ждёт не писатель,
а вдумчивый зритель.

Осенние листья,
дозревшие к сроку,
ронял я без грусти
в речную протоку.

Плывут они стройно,
не грозной эскадрой,
легко и спокойно
из млечного сада.

Трепещут от ветра,
колышутся, тонут...
Совсем незаметно
глогает их омут.

А те, что не канут
в волнующей влаге,
крылатыми станут
на волнах бумаги.

2

Лист первый – пробная строка,
рассвета проблески, как будто;
душа, как облако, легка,
свежо сентябрьское утро.

Как одиноко у реки
петь жизни искренние оды;
надежды осени зыбки,
как откровения природы.

Но первый лист уже в пути,
уже летит в земные дали;
не может ветер запретить
ему скользить по водной стали.

Возьми его, согрей в горсти,
когда вдруг выбросит на камни
листок, как крошечный подрамник,
рождённый, чтобы свет нести.

3

Какая мёртвая вода,
как берег дик, и камни льдисты;
вдали, как айсберги, – суда,
но, трепетный и золотистый,

смеётся в волнах тонкий луч
земного искреннего света,
каким-то чудом сгустки туч
пронзив, как тишину запрета.

Он так блестит, что режет глаз,
и, увлажняясь, сердце верит...
А по щеке скользит алмаз
и разбивается о берег.

4

Чем меньше кажется Земля,
чем выше пик вершины духа,
тем обнажённее поля
и откровеннее для слуха

и птичье пенье, и роса,
звнящая в цветке дрожащем,
и любопытнее глаза
заботятся о настоящем.

И беды кажутся бледней,
обида – мелочней и суше;
дороже сердцу мир людей,
но отдалённее и глуше

шумит жестокая молва,
повсюду сор словесный сея...
А во Вселенной острова,
наверно, есть ещё светлее.

Но этот маленький комок
среди гущи звёзд живёт и дышит,
и всё он знает, всё он слышит –
хранимый солнцем островок.

Воображение

И лишь воображению дано
обманывать друзей своих полночных, —
оно рисует в красках слишком сочных
всё, что ни упадёт на полотно.

Оно меняет форму, запах, звук,
гиперболою манит к капле малой;
приблизит то, что навсегда пропало
иль только ускользает из-под рук.

Оно способно чудо совершать,
грустить без боли и любить до встречи;
оно подчас такие искры мечет,
что истиной ему не помешать.

Оно запанибрата с подсознанием,
источник свежевыбранных идей;
не будь его, как мог бы мир людей
найти себе хотя бы оправданье
за плод в саду...

---

* * *

Я встретил женщину земную;
как персонаж,
в сад удивлённый она вошла.
Быть может, даже нет её на свете,
и всё-таки, решил я, пусть она
меня переживёт и победит
печаль свою и счастье обретёт,
как обретает женщина подчас
одним лишь выраженьем глаз.
Пусть каждой чёрточкой
божественного тела
почувствует и негу и любовь,
и автора помянет добрым словом
пред тем, как помолиться перед сном,
укрыть ребёнка тёплым одеялом
и звёздам пожелать —
спокойной ночи...

---

* * *

Посмотри на меня хорошо, –
ничего-то мне больше не надо;
я вернусь в мир, откуда пришёл –
сочинитель с душой листопада.

Я несу свою ношу, как свет
в глубине запылившейся лампы,
и, вникая в кружение планет,
добываю из мрака эстампы.

Что же мне остаётся ещё?
Рисовать в дебрях млечного сада...
Посмотри на меня хорошо, –
ничего-то мне больше не надо.

---

* * *

Я всё равно Вам благодарен
за эти приступы тоски,
когда с рассвета день бездарен,
а ночью рифмы, как тиски,

сжимают сердце до предела;
его бы вырвать самому,
чтоб на снегу оно горело,
Ваш освещая путь к нему,

но я люблю Вас...

---

* * *

Мне хорошо от мысли о тебе,
пусть одинок я, как былинка в поле,
и эта горе-трещина в судьбе
уносит в пустоту остатки воли.

Но я держусь, мой драгоценный друг,
и даже за соломинку хватаюсь.
А время вырывается из рук,
на мелкие осколки разбиваясь.

И не сложить узора, хоть кричи,
сходи с ума иль головой – о стену...
А звёзды улыбаются в ночи
и превращают в миф мою Елену.

---

* * *

Любовь со мною не умрёт, —
она крылом укроет в стужу,
в жару прохладу принесёт
иль ключ поющий обнаружит.

Она со смертью не в ладу,
и слишком разные мотивы:
любовь, как свет, в моём саду,
а смерть, как косточка от сливы.

И ты не плачь, пытая даль,
когда меня не будет рядом, —
мои ладони листопадом
слетят к тебе унять печаль.

---

* * *

Оглядываясь вокруг, не вижу
ни костерка в ночи.
И только звёздные лучи
неспешно лунный сахар лижут.

И тишина бельём лежалым
мне душу жутко леденит;
Земля, как кукла, в люльке спит
под чуть шуршащим покрывалом.

И легче мне от вечной сцены,
и одиночество – не плен,
а лишь предтеча перемен
в святом театре Мельпомены.

---

* * *

Я без тебя когда-нибудь умру,
сгорю, как спичка, в собственном огне;
свершится это, видимо, к утру,
часу в седьмом, во сне,

когда устану думать о тебе,
когда сложу в изнеможенье крылья
и в благодарном трепете судьбе
скажу – Спасибо – лишь за то, что был я
тобой замечен...

---

* * *

Я собираю женского сердца осколки;
оно, как сосулька, разбилось о камни,
но в реставрации нет и на гран толка,
и, вероятно, об этом известно даме.

Она обманывает себя флейтою белой ночи
и тешит ум светлыми миражами,
и к прошлому в анфас развернуться хочет,
но не вписывается в орнамент.

Она молода и так хороша собою,
что многих ещё состарит до срока мука;
себя же балует невинной, на слух, игрою, —
в неё не прицелит настырный Амур из лука.

И взгляд на людей, взрослея, становится суше,
разлуки с друзьями кострами в ночи догорают...
Я слышу, как плачут, прощаясь, ревнивые души,
и тщетно осколки в раскрытую горсть собираю.

---

* * *

Как обмануть себя искусней,
как повернуть глаза к другим,
как нанести фривольный грим
на утомившееся чувство?

Как сердцу дать покой и мир,
как дать душе вздохнуть по-птичьи,
а на лицо рукой привычной
надеть отглаженный мундир?

Как пересилить эту грусть?
И как там дальше? Что там будет?..
О, Господи, что скажут люди,
уже я знаю – наизусть.

---

* * *

Я себя от тебя отпускаю,
я себя от тебя берегу
и рассвет одиноко встречаю
на песчаном пустом берегу.

Не хочу я в плохую погоду
решетом черпать мутный поток,
но свою от тебя несвободу
пью, смакуя и малый глоток.

От себя нет на свете спасенья,
хоть сожги все на свете мосты...
Помогите мне, воля и зренье,
и крыло, – у последней черты.

---

* * *

Хотел бы имя твоё произносить внятно,
не оглядываясь всякий раз,
хотел бы совесть носить опрятно,
как носят крестик, – не на показ.

Хотел бы верность свою не путать
с пустословием и враньём,
хотел бы радость, хоть на минуту,
продлить и помнить о ней потом.

Хотел бы гордиев узел жалом
ножа рассечь, если нет меча,
хотел бы скрасить свеченьем алым
судьбу, скрывая крылом плеча

тебя от случая с чёрной статью,
от древней желчи людских измен...
Тебе хотел бы лишь отдавать я
и ничего не просить взамен!

---

* * *

Нет, нет, мой друг, реальность не права,
а, если и права, то лишь отчасти, –
она, как вата, глушит те слова,
что говорят нам о любви и счастье.

Она уводит в меркантильный мир,
в мир суеты и утомлённой прыти,
туда, где страх довлеет над людьми
и лабиринт без выхода и нити.

В ней растворясь, ты ей навек – слуга,
в конце хвоста одно из мелких звеньев.
Но есть, мой друг, другие берега
и воздух, околдованный сиренью.

Но есть, мой друг, такая высота,
что дух и тот теряется и никнет...
Любовь всегда, как горний свет, – чиста
и только с Божьей помощью возникнет.

Память

1

Я вырвал с мясом эту боль,
а пустота и ныне плачет.
И не пойму, что это значит, —
я изменил свою же роль

и текст у непонятной пьесы,
порвал единственную связь;
казалось, смысл и кровь, и грязь
и все росточки интереса

прилежно вырезал ножом...
Должна уже забыться память, —
она ж дрожащими руками
всё держит кринку с молоком.

Но молока там нет в помине,
сосуд потрескался давно, —
а ей, упрямой, всё равно
напиться хочется в пустыне...

2

Моя пустыня — не пустыня, —
я заселил её людьми,
и скука вымерла. Отныне
случайной прихоти судьбы

я рад. Дышу и размышляю,
а сердцу говорю – не лги.
Но кто с тобою мы – не знаю –
друзья, любовники, враги?

В калейдоскопе явь мелькает,
а мысль стремительно – легка;
судьба, как снег весенний, тает,
и не к истоку шлёт река

свои смеющиеся волны...

---

* * *

Как долго отступает давний бред,
как медленно уходит по спирали;
пчелой звенящей норовит ужалить,
и на песке я различаю след.

Мне снова хорошо у очага,
среди семьи, а тихий свет алькова
снимает боль и пробуждает слово,
не позволяющее утончённо лгать.

И всё же ум, как треснувший сосуд,
и пустоту я выдыхаю к звёздам...
Пусть вспылчивой любви бояться поздно,
но как забыть прикосновение рук,

избыток чувств и аромат свиданья,
и риск, и страх, и мужества – толчок,
мольбу и дрожь высоких стройных ног,
и поцелуй – последний – на прощанье?

---

* * *

Пытаясь овладеть искусством лжи,
я потерпел полнейшее фиаско, —
не приросла к лицу чужая маска,
хотя сначала так беспечно жил.

Сводил с ума прозрачный маскарад.
Я жёг мосты и снова возвращался.
Меж берегов реки, как лист, скитался,
не помня, где остался млечный сад.

И я молился: Господи, спаси,
убей во мне щемящую истому,
верни покой иль по дороге к дому
навек в глухую бездну унеси!

А Он молчал, но расступились тени,
и Свет блеснул, не знаю, почему.
И я дышу, покинув ту тюрьму,
где в область грёз всегда ведут ступени.

Ушли, как бред, пустые миражи.
Окончилась коротенькая сказка...
Я потерпел полнейшее фиаско,
пытаясь овладеть искусством лжи.

---

* * *

Как мы смешны пред Вечностью полночной,
как краток путь, и зыбок грунт дорог.
А нас гнетёт какой-то сонм порочный
минутных дел и суетных тревог.

О чём шумим, о чём грустим и плачем?
О чём вздыхаем в мрачной тишине?
Ужели мы так много в мире значим,
ужели кто-то вспомнит обо мне,

когда укроет Время сизым пеплом,
когда уйдут знакомые во тьму? –
Ведь даже то, что мыслило и пело,
уже не помешает никому

и не поможет.

---

* * *

Я рад тому, что ты так рада,
бездумно-счастлива, свежа, –
как будто в гущу звездопада
летишь с беспечностью стрижа.

Ах, боже мой, какая прелесть
сейчас смотреть тебе вослед!
Мне злые слёзы надоели, –
ищу я истинных примет.

А ты, такая молодая,
спешишь к возлюбленному так,
что я, волнуясь, замираю
и вдруг решаюсь на пустяк –

Вам подарить с листа бумаги
хотя бы пару млечных слов,
чтоб вечер плыл по сонной влаге
влюблённых в солнце облаков.

---

* * *

Хорошо, если встретишь
в непонятной судьбе,
по знакомой примете,
незнакомца, тебе

интересного тем, что
бездорожьем шагал
и незримое Нечто,
точно светоч, искал.

Если истина – в сути,
становление – ложь, –
древней мысли цикуту,
как из блюдечка, пьёшь.

Но случайная встреча
однородных полей
искры веером мечет
и сближает людей,

и, пускай на мгновенье,
гонит призрачный сплин,
ускоряя движенье
к постиженью вершин.

Он

Ужель, Он посетил мой дом
и вёл со мной беседу, точно с сыном,
в тот час, когда с упорством дурачины
запретный плод я запивал вином.

И, задыхаясь в сумраке любви,
уже готов был к смерти неминучей...
Ах, Боже мой, какой же я везучий! –
счастливый миг мне зреньё обновил.

И слышал я: "Оставь свои мученья,
перо, душа и ум – твой капитал,
ещё не всё ты в жизни потерял,
ещё не все изведаль откровенья..."

Мороз по коже трепетно бежал,
и радость переполнила сознание,
и было слишком быстрым расставанье
в ту ночь, когда я чёрной тени ждал...

---

* * *

Я счастлив тем, что мне дано
быть избранным для встречи краткой;
пускай реальность – полотно,
подчас и серое. Не сладко

бывает каждому из нас,
и всё-таки во мгле вечерней
блестит таинственный алмаз
твоей звезды. И если в первый

раз ты живёшь, то и в последний...
Так радуйся цветному сну
и каждый день, как песню лебедь,
смакуй, скользя по полотну!

---

* * *

Над рекой туман молочный.
Солнца диск – почти мираж.
Точно груша, воздух сочный.
Пуст и гол осенний пляж.

Эта донка с колокольцем
целит в реку, как стрела...
Я люблюсь белым солнцем
без защитного стекла.

Лик и матовый, и бледный,
из слоновой кости лик,
надорвав покровы бездны,
освещает мой тупик.

Только ветер всколыхнётся
и развеет ватный дым –
на кукане дождь забьётся,
станет утро золотым.

---

* * *

Я так люблю приветливые лица,
я так люблю счастливые глаза,
что хочется им в пояс поклониться
и что-нибудь хорошее сказать.

Я так люблю, когда смеются в голос,
а не тихонько где-нибудь в углу,
да так, чтоб осыпался медный колос
и чтоб хотелось воздуха крылу.

Я так люблю, когда к чужому счастью
не лепится постыдное враньё,
когда не рвёт погибшего на части
голодное тупое вороньё.

Я так люблю, когда беспечна птица,
и над ручьём трепещет стрекоза...
Но где они – приветливые лица?
Но где они – счастливые глаза?

---

* * *

Я остаюсь собою, несмотря
на то, что быть иным возможно:
взяв за основу курс календаря,
идти себе под парусом надёжным

и не пытаться волнам вопреки
свою стезю угадывать в тумане;
как хорошо, должно быть, в океане,
когда вблизи мерцают маяки.

Я остаюсь собою, несмотря
на то, что дом мой не глухая крепость,
и мыслям, что легко летят паря,
не логика нужнее, а – нелепость.

Мне тоже внятен разума язык,
но большее поймёшь посредством дрожи,
когда копытцем бьёт она по коже
и рассекает призрачный тупик.

Я остаюсь собою, несмотря
на то, что сила злата безгранична,
и на виду охотится опричник,
и всё бледнее над землёй заря.

Нельзя сойти, нельзя остановиться,
нельзя укрыться где-нибудь в тени, –
а вдруг весною не вернётся птица,
а вдруг грядут удушливые дни?..

Стихотворения последних лет

* * *

Друг другу доставляем неудобства;
несчастья даже... Господи, прости
заблудших в крайней степени сиротства,
не слышащих полёта райских птиц

и так собою дорожащих, боже,
что нам болячки пострашнее тьмы,
зловещей, жуткой... Из последней кожи
по головам упрямо лезем мы.

Куда? Зачем? Не знаю, подскажите...
Мне хочется пройтись, не торопясь,
в кусты закинув сотовую связь,
быть в стороне от мировых политик.

Как хочется вновь посетить друзей,
забывших обо мне, но не забытых, –
таких же одиночек, жизнью битых,
которых не приучишь ни к узде,

ни к стремнам... В приливах тишины
я отдыхаю, точно в океане
млечном. И – как в стакане –
бури и дела – смешны!

---

* * *

– Что тревожит тебя в этот час?
– В человеке светильник погас;
пусть горел он и робко, и слабо,
путь к нему обретал я не раз.

– Почему ты не спишь в эту ночь?
– Человеку хотел я помочь,
но в глазах равнодушия глянец...
Воду в ступе пытаюсь толочь.

– Есть ли дело тебе до воды?
– Человек оставляет следы
и в реке, и в ручье, только взгляду
не постичь потаённой беды.

Режет воздух прозрачная нить, –
если грубо её повредить,
всё вокруг станет ясным и прочным,
но фонарь перестанет светить.

---

* * *

Зима – в начале.
Настрой – не тот,
что был вчера.
И Близкий
умирает постепенно.
А храм – открыт,
но всё равно – тоска.
И снег не радует,
а чавкает и липнет.

Забиться бы
на несколько минут,
чтобы не знать,
всей силою нутра,
природы
неземную обречённость.

---

* * *

Когда бредёшь погостом утром ранним
и навещаешь тех, кто – не забыт,
то задаёшь себе вопрос невольно:
Но почему на самом страшном месте
так расцветают краски сентября?..

Иль, может быть, безмерно любят нас
ушедшие в иное измеренье?..
А мы калину алую не рвём
и доверяем набожности птичьей...

---

* * *

Если в "Государстве" Платона
нет места поэту
или ему дано право на жительство,
но с оговорками,
то о чем мы с тобой говорим? –
В этой славной стране
ты всего лишь бельмо на глазу,
неудобная статья,
непонятная воля и страсть.
Ни о чем не проси,
не стучи себя в грудь кулаком,
раз не можешь... твори,
побели эту ночь за окном!
Жизнь несут – вертикаль,
изометрия, блеск и размах,
а не вялый излом
и болотной братвы суета.
Будь спокоен, как Бог,
как аскет, беспощаден к себе,
и, быть может, тогда
и Платон
пустит в дом
на ночлег...

---

* * *

А всё же есть причина,
чтобы
писать стихи,
мечтать за мольбертом,
сочинять музыку,
лепить из пластилина,
строить красивые дома,
заниматься посадкой цветов
и любоваться миром.

Чтобы жизнь не казалась
пустой и жуткой, –
подарите время сонету,
напишите этюд,
сочините одну песню,
слепите ребёнку медвежонка,
постройте хотя бы
воздушный замок,
бросьте семя гвоздики
в тёплую влажную почву
и наслаждайтесь солнцем,
испив прозрачной воды
из ручья...

---

* * *

Ирине

Опять весна,
но здесь – больница.
Она бледна,
она – как птица,
попавшая в тугой силок.
Она, как будто по ошибке,
узнала мир, настолько зыбкий,
что ирреальна жизнь. Быть может,
по недосмотру Ты о, Боже,
направил в мрачный уголок
Своё же хрупкое создание.
Вселенная – лишь это зданье;
палаты, сёстры и врачи,
и жар, и сонный бред в ночи,
укол в мерцающую вену.
А ей бы – к морю, ей бы – в пену
да спелый сочный виноград,
умытый южным щедрым солнцем!
К лицу ей праздничный наряд,
а не больничное оконце,
скупое, точно ростовщик,
на свет...

Кредо

Мне уже – пятьдесят,
но не хочется умничать,
нести по улице
с отчеством – лицо.
Всё сложилось,
и не нажил я злости в душе,
и заклятых врагов не искал.
А друзьям,
что обрёл я в начале,
благодарен за то,
что оставили след,
как печать...
До сих пор
не умею я лгать
ни другим,
а себе
и тем паче...

Осень

1

Осень –
лучшее время:
природа затихает,
даря на прощанье
обилие красок;
птицы улетают
к кофейным берегам
и молочным рекам;
женщина волнует
в редкие мгновения;
помысел чист,
а ты
остаёшься почти один
и понимаешь –
осень – твой близкий,
умирающий на глазах, –
друг.

2

Осенью,
особенно, когда день
ясен, прозрачен и солнечен,
смотришь на полумёртвые листья
и думаешь:
Господи! Ведь так же и мы
уходим в сырую тёмную землю.

А весною из почек выпорхнут
зелёные клейкие листочки
и даже не задумаются о том,
что всё на свете
происходит по аналогии...
И только в преддверии осени,
когда на их коже
появится первая мелкая пыль,
они задумаются...

3

Как хорошо
пройтись по парку,
надышаться
прозрачным воздухом осени,
присесть на скамейку,
помолчать и послушать,
как падают листья,
подумать о вечном,
поднести к лицу
кленовый лист,
всмотреться в каждую жилку,
в оттенки уже мёртвой кожи
и увидеть себя,
каким-то чудом
ещё держащимся за ветку...

4

Как мы с тобою одиноки,
Осень,
но это состояние иное,
чем было прежде,-
и я давно не бью в колокола,
и красоту я понимаю ныне,
как Нечто,
что не трогать не способно,
и мысль о Боге
спутница её.

---

* * *

В осеннем парке
она прогуливалась
со своим сыном;
он был ещё маленьким
и очень много плакал,
нечаянно упав
в сухие мёртвые листья...
Она же терпеливо ждала,
когда он, наконец,
хоть немного подрастёт,
и они продолжат прогулку
в осеннем парке.

Осень

В городе моём
осень.
В вихре неземном
листья.
В городе моём
очень
хочется владеть
кистью.

Чтобы утолить
голод,
чтобы утолить
жажду,
нужно обрести
Слово,
чтобы на глазах —
влажно...

Солнце в облаках
тонет.
Неба синева
гаснет.
В городе моём
омут, —
люди в темноте
вязнут.

Листьев за окном
шорох.

Зябнут на земле
                  лужи.
Слов я перебрал –
                  ворох, –
только не нашёл
                  нужных.

---

* * *

Лист формата А-четыре,
дорогой ты мой листок,
в сумасшедшем этом мире
я с тобой не одинок.

Хорошо безлунной ночью
на тебя смотреть, любя,
придавая многоточью
тайный смысл бытия.

Ты, как друг, не отвернёшься,
всю тоску мою возьмёшь,
надо мною посмеёшься;
из обрывков плед сошьёшь.

Оказался бы на грани
без священной белизны, —
как без утренней звезды,
в нависающем тумане.

---

* * *

Неуловимо-странно
Вы на неё похожи,
а может быть,
ищу я сходство не случайно,
чтоб оправдать
любви былой восторг
и Вас принять
сегодня за другую.
О, Господи,
уже наверно я
и не смогу
без радостей семейных,
а взор всё ищет
отклик ароматный
и шаг навстречу,
и забвенья час.
Как ненасытна
воля человека, —
влечёт её
не центр, а тёмный край,
туда,
где и намёка нет на рай,
а риск и дрожь
уводят в неизвестность...
Но светел дом,
и хороша жена...
О чём ты?..

О первой любви

Как мне хочется увидеть тебя сейчас,
поговорить хоть о чём-нибудь,
но я даже не помню цвета далёких глаз, —
значит, всё-таки долгим был путь.

Жизнь сложилась, и не о чем сожалеть.
Есть и счастье, и дом, и любовь, и свет...
Почему же болишь ты во мне, и петь
не устал я под аккомпанемент сигарет?

И чем старше, тем чаще я вижу двор,
где росли мы, играя в войну и мир,
и кататься бежали с высоких гор,
и задирами славились из задир.

Не догадлив юнец, не заметил тебя в тени
и навек потерял то, что рядом всю цвело.
Закружили меня, унесли меня вдаль огни,
и, казалось, что след твой снежинками замело.

Но в седой голове жив наивно-смешной телок —
это детские сны и полёты фантазий вглубь.
И дрожит на воде непоседливый поплавок, —
может, бантик с косы невзначай прилетит отдохнуть...

Старый двор

Мой старый двор, ужели жизнь прошла,
и многие давно уgomонились?..
Ты пуст, как дом без стульев и стола,
и только ждут людей автомобили.

Так, значит, кто-то всё-таки живёт
и в двухэтажке видит сны цветные?
А я, как путник у своих ворот,
вернулся в дом, но из другой страны я.

Стою и жду, чего, не знаю сам;
знакомые глаза узнаю точно...
Какой мы здесь творили тарарам,
влюблялись по-мальчишечьи, заочно.

Ах, боже мой, волнуясь до сих пор,
как только вспомню девочку-соседку.
И было время безобидных ссор,
и было время откровений редких.

Нет ностальгии, только лёгкий шок
От тишины, до жути необъятной.
Заика и задиристый щенок, –
Я рос, как все, в чаду шестидесятых.

Но всё мелькнуло, как в мишень стрела,
и вот теперь в калейдоскопе – лица...
Мой старый двор, ужели жизнь прошла,
и ни вернуть, ни встретить, ни проститься?..

Сонет

Не назначай мне тайных встреч,
Нет больше нас под небом синим
И двух касающихся линий, –
Их пожелало время – сжечь.

Легко обманет дружбы речь
Того, кто помнит и поныне...
Есть слабый камень у твердыни, –
Его легко пробьёт картечь.

Пусть дремлет прошлое в тени,
Пусть блещут млечные огни,
А совесть остаётся чистой.

Любовь притихла, точно рысь,
И ей потом не крикнешь: Брысь! –
Как кошке, белой и пушистой.

Встреча

Над рекой у обрыва
в каждом слове – намёк.
И не жжется крапива,
и завис мотылёк.

Тихо шепчутся сосны;
тропка вьётся, как шнур.
И не нужно вопросы
надевать на шампур.

В облаках не витаю,
но крыло – по плечу.
И с любимой по краю
не пойду, – полечу.

Сколько вёсен по кругу...
Боже мой, это – ты...
Мы познали друг друга,
но сгорели мосты.

Не укроет нас снова
ночи звёздный шалаш.
Но останется слово,
что напел карандаш.

---

* * *

Но как мне пережить
лучистый взгляд,
когда из глаз вот-вот
любовь прольётся,
и в постаревшем
сердце отзовётся
знакомый звук?..
Ах, как ему я рад!..

Но, боже мой,
о чём я говорю?
Дитя моё,
лети себе по миру,
оставь меня, —
уже готов и лиру
отдать навек
я в лапы январю...

Стриж

Стриж не сможет взлететь,
если сядет внезапно на почву;
никогда ему больше
не резать на дольки рассвет,
в кучевых облаках
не прорваться сквозь млечные клочья
и с высот наблюдать
новых драм неизбывный сюжет.

Стриж не сможет взлететь,
он умрёт от смертельной печали,
кошки хищный оскал
растерзает две тонких дуги,
и уснут навсегда
в неизвестность влекущие дали,
только хрупкий скелетик
растопчут во тьме сапоги.

Стриж не сможет взлететь —
и не сядет на влажную почву,
а восторгом крыла
будет резать простор голубой;
он парит над листом,
слышен голос его между строчек,
он ещё в небесах,
ещё рано ему на покой...

Не родившемуся внуку

Не родившемуся внуку
говорю легко – Привет!
Жму я маленькую руку
и целую, и конфет

отсыпаю щедрой горстью;
я лелею эту связь, –
между нами гибкий мостик
так и светится. Смеясь,

мы гуляем по откосу
и любимся рекой,
крики чаек, как вопросы,
долго кружат надо мной.

Что поделаешь? Внучонок
теребит – Ну, расскажи...
– Посмотри, рыбак у донок,
значит, внук, вот-вот ерши

будут дёргать колокольчик,
а потом гурьбой – в уху;
дед любил такой бульончик,
а когда грибок во мху –

раскрасавца белой масти –
срежешь в утреннем лесу,
даже жмуришься от счастья...
Как взволнованно лесу

рыба дёргает! Катушку
я кручу, и спиннинг – колесом!
Размечтался не на шутку...
Внук хохочет над отцом

невезучим... Рыба – сходит...

Колодец

Я не плевал в колодец никогда,
каким бы ни был сруб, какая бы вода
там ни мерцала, отражая небо.
Вода, мой друг, подчас дороже хлеба, —
не стоит осквернять её покой
и, насмехаясь, наступать ногой
на горло ей; она ещё послужит, —
ведь даже на асфальте мокром лужи
так притягательны для детворы
во время увлекательной игры
"езды в незнаемое" на велосипедах...
Мне кажется, колодец вечно бредит
желанием отдать нектар земли
тому, кто утомлён от зноя,
но так и не познав покоя,
всё ж видит свет, сияющий вдали...

2010

Две тысячи десятый год...
Ушедший Harrison так тонок.
"Imagine"... Lennon и спросонок
иглою в темечко войдёт.

Иные музы надоели.
McCartney, господи, – живи!
Струной, как ядом, отрави
моё стареющее тело.

Кумиры молодости давней
горят во мне, как маяки, –
фальшивить как-то не с руки –
иль на окошко вешать ставень.

Ах, Ringo, мастер, буду помнить
испепеляющую дробь...
А за окном как будто в коме –
Две тысячи десятый год...

Птицы

О, рабства чуткие границы –
ни шагу вверх, ни шагу – вниз!
А в небесах кружатся птицы,
не видя падающих ниц.

Опять внутри притоков воли
неуправляемая ртуть;
иные боги на престоле
под дых торопятся боднуть.

Сижу на кухне, как в темнице,
а ночь смягчает мой протест...
Смотрю на мир, как эти птицы,
и по земле влачу свой крест.

---

* * *

О вечном мыслить я устал, –
семья теперь в приоритете,
жена и дочка – капитал
и самый важный приз на свете.

Платон и Ницше полежат
на полке книжной без претензий;
не страшен мне туман рецензий
и негатива тёмный яд.

На даче день встречает нас;
жена и дочь в цветах пахучих...
Не может быть, чтоб было лучше
когда-нибудь, чем в этот час.

---

* * *

Сухой цветок смущает вазу,
но шмель кружит над ним, жужжа.
Три дня тому... ушла душа,
и лишь скелетик вмятен глазу.

Чего ты ищешь здесь, дружище, —
на грядках тьма живых цветов?
Ты сцедишь сок из лепестков,
напьёшься вдоволь сладкой пищи.

Оставь безвкусные останки,
лети скорей на огурцы,
чтоб захрустели молодцы,
на вилку вынырнув из банки.

Экспромт

Для счастья ничего не надо:
бумаги крохотный клочок...
И карандаш из гуши сада
срисует розовый цветок.

И ни кому-нибудь, себе же
и удовольствие, и звон
капели изумлённо-свежей,
из глаз скользнувшей на бутон.

На даче

Какое блаженство на даче,
проснёшься под пение птиц,
и солнышко радость не прячет,
бликуя на арках теплиц.

Напьёшься воды из колодца,
потянешься, точно взлетишь,
и надо бы с ленью бороться,
но сил не хватает. Глядишь,

сосед закурил на крылечке;
присядешь к нему поболтать,
пускаешь из дыма колечки,
смеёшься. Вокруг – благодать!

А время песочком в воронку
течёт в неземные моря...
Пора за дела потихоньку,
чтоб отпуск растаял не зря.

Прополешь заросшую грядку,
на сотовый взглянешь тайком, –
никто не звонил, всё в порядке...
Какое блаженство кругом!

Банька

Банька русская на даче –
эвкалиптовый парок,
свежий веничек в придачу,
печка, ковшик да полок.

И сосед – знаток известный,
словно банщик, скор и крут,
пригласил, и, если честно,
я собрался в пять минут.

Мы попарились на славу,
посидели от души;
жаркий отдых мне по нраву
в вечеряющей глуши.

А убрав остатки пира,
разбежались по домам.
Ничего нет лучше мира
и таких вот панорам.

А жена смешинку прячет –
прикатился колобок...
Банька русская на даче –
эвкалиптовый парок.

Листья

Свет вечерний, свет далёкий,
свет, ласкающий звезду;
на деревьях листья-строки
в сонно тлеющем саду.

Вот сонет куста рябины, –
слышен шелест ровных строк,
и катрены и терцины
отличает красный слог.

Стройной яблони поэма
хороша и не горда,
словно гостя из Эдема,
обещает сласть плода.

В тихой вишне вижу хокку –
смыслов скрученный клубок;
стих, рождённый на востоке,
замечательно глубок.

Все деревья, как картинки, –
блеск искусного пера...
Свет вечерний под сурдинку
тонет в листьях до утра.

---

* * *

Неупиваемая неба чаша –
на всех хватает ровной синевы,
и только приземлённость наша
мешает отделиться от травы.

Неупиваемая неба чаша –
тончайшей выделки стекло,
и даже приземлённость наша
невольно мастерит крыло...

Единственная

Наташе

Единственная зрелая любовь,
как смел бездумно с кем-то тратить время
и мог увлечься женщиной любой,
но не просить прощенья на коленях?

А ты хранила ревностно очаг,
пока я пел и танцевал с другими,
и удержала на плаву наш брак,
латая дыры нитками любовью.

Не понимал и не пойму сейчас –
как выжила в подобной круговерти?..
Прости меня, как Бог прощает нас,
любовь моя, теперь до самой смерти!

Две строки

Счастливые глаза любимой –
две замечательных строки.
И этот взгляд неповторимый
рассеет облако тоски.

В любую мрачную погоду,
в любое время за окном
уйдёт печаль, как рыба в воду,
плеснув резиновым хвостом.

Я улыбнусь блестящим строкам
и рифмам тоненьких ресниц,
но постарею раньше срока
и упаду невольюно – ниц,

коль ритм собьётся от разлуки,
и в тишину вернуться звуки...

---

* * *

Всё по-прежнему, друг, всё по-прежнему,
только мы постарели чуть-чуть,
так же осень мазками небрежными
на мольберте колдует. Забудь...

Посмотри, как волнуется молодость,
будто гомон весны во дворе;
ты молчишь, точно сброшенный колокол, —
равнодушен к шуточной игре.

Что поделаешь, друг, что поделаешь,
миновали хмельные деньки;
скоро скатерти, скатерти белые
да над пропастью — огоньки...

Стансы

Чем громче внешний негатив,
Тем тише говорю с собою, –
Нельзя с оборванной струною
Сыграть излюбленный мотив.

Чем громче выстрелы вдали,
Тем тише сердца обороты, –
Нельзя, чтобы заметил кто-то,
Как ты боишься встать с земли.

Чем громче в доме кавардак,
Тем тише мышь ворует сласти, –
Нельзя без обоюдной страсти
Постичь любви и свет и мрак.

Чем громче выпретенная речь,
Тем тише мысль исходит соком, –
Нельзя, обидев ненароком,
От пятен память уберечь.

---

* * *

Мой ближний круг сужается до точки.
Ещё чуть-чуть, и только эти строчки
напомнят блеск и воздух дней иных,
когда с ума сходил я, ну а – стих
сжигал дотла листок тетрадки в клетку.
Всё подходило глазу на заметку,
и карандаш затачивался сам,
и мысль легко бежала по холмам,
по синусоиде следуя, как в трансе,
хотя в кармане пели мне романсы
тогда одни сплошные медяки...
Ах, боже мой, какие дураки!
Мы не ценили то, что нас сближало,
и, слишком часто выпуская жало,
всё ж отдалились друг от друга, и
теперь, считая с ноликом рубли
да не с одним, не позвоню я другу.
И он не позвонит... И так – по кругу...

Другу – поэту

От двадцатого века
останется двадцать имён.
Двадцать первому веку
давно улыбаемся втуне.
Так чего же мы ждём
на краю воспалённых времён?
Обособленно ищем себя,
доверяя фортуне.

Песня хором – не в масть, –
это я понимаю, и всё ж
почему с одиночеством
мы так навязчиво слиты?
И надёжного друга
уже никогда не найдёшь,
а от старого друга –
лишь строф безупречные ритмы.

Неужели вот так
отойдём за кордон в никуда,
не попьём кофейку,
не припомним, как выбрали сами?..
Даже если, мой друг,
ты горящая в небе звезда,
не забудь наши дни,
что этюдами прячутся в рамах.

Доверяю тебе,
как себе доверял не всегда.
Чем ты дышишь теперь,
драгоценный и друг и коллега?
Знаю, шепчешь в ночи
одиночеству твёрдое: «да» –
и берёшь высоту
без ненужных
шеста и разбега...

Снег

Снег Молдавии в 75-том
вспоминается мне теперь;
я вгрызался в сугроб лопатой,
точно в тушу голодный зверь.

Было много, таких безликих,
нас, в шинелях – пустой погон;
чтобы в небо взлетели «миги»,
нужно долго скоблить бетон.

У рулёжки очистить спину,
от ангара начав разбег.
Под лучащимся апельсином
с БСЛ познакомил снег.

Динозавром шёл грейдер ровно,
за пластом поднимая пласт,
и смотрел я заворожённо,
как работал без астмы ас.

Эта служба не только крылья,
дальность, азимут и форсаж, –
вся учебка, как эскадрилья,
знала утренний свой вояж.

Мы шагали походным строем
с инструментом наперевес
под летящим с небес конвоем
мух, покинувших свой насест.

Иногда подвезёт «шишига»
в пятизвездочный наш эреб,
но в ангаре под брюхом «мига»
всё ж вкуснее солдатский хлеб.

И опять застучат лопаты,
как пролог боевых заслуг...
Снег Молдавии в 75-том,
знаю, помнит армейский друг.

---

* * *

Не хочу стрелять даже в тире;
было время, — отдал долги,
драил щёткой толчки в сортире,
чистил ваксою сапоги.

Охранял непорочность неба,
с осциллографом был на ты.
А когда не хватало хлеба,
как щенки, — не скулили рты.

Лучше стих написать на взлёте
или в пропасти, — как пойдёт,
чем проснуться в своей же роте
да в ручищи взять пулемёт.

Нет, ребята, не ждите чуда, —
от смертей только страх и смрад...
Даже в тире стрелять не буду
ни по цели, ни наугад.

---

* * *

Взревел истребитель над крышами дач
во всей красоте современного «мига».
Да, лётчики – это особая лига,
и каждый из них и лихач, и циркач.

Они лопастями стригут облака,
рисковый манёвр разыграют по нотам.
Летят они строем, и это работа
единой наземной системы полка.

И мне довелось послужить в ВВС,
и азимут – дальность высчитывать точно;
экраны и блоки гудели до ночи,
и взлёты, и взлёты вблизи РЛС.

А после полётов заварим чайку,
ведёрко черешни поделим по-братски;
у сумерек южных особые краски,
а фрукты и звёзды не влезут в строку...

Взревел истребитель и скрылся вдали,
и я сорок лет пролетел незаметно.
Пора возвращаться в холодное лето
на скромную дачу из щедрой земли.

Костёр

И поселил я в бочку свой костёр,
чтоб впредь не отходить от формы
и, соблюдая правила и нормы,
не сжечь сосновый по соседству бор.

Но стоит мне чуть подложить дровишек,
с гудением волнуют языки
ночную высь. Их грозные полки,
того гляди, дотянутся до шишек

и подожгут сосны могучий ствол,
и растекутся пламенем по лесу...
Вот так и я – дышу без интереса,
приличий соблюдая произвол.

Но знаю я и тёмную природу:
едва мелькнёт знакомый женский взгляд,
влюбиться насмерть снова буду рад, –
как выходу из формы на свободу.

Зимний этюд

Под ярким светом фонаря
изящно кружатся снежинки,
но им на смену под сурдинку
среди тёмной ночи декабря

уже спускаются под лампу
иные странники с небес;
здесь не помог бы и навес, —
к утру, напоминая дамбу,

холм возвышается, мешая
спешащим людям — в никуда...
И дворника рука тверда,
и по весне сугроб растает.

Но всё равно стремится к свету
густой безудержный поток,
и каждый ветра завиток
уже давно прописан где-то...

Валера

Мама нашего Валеры
не встречает Новый год, –
ей загадочная вера
запрещает хоровод

у пушистой яркой ёлки,
да и папы нет давно,
он уехал из посёлка,
потому что пил вино.

У детей подарков куча,
у Валеры – суп да щи,
он на улице, как туча,
с ним ты дружбы не ищи.

Взяв нарядные конфеты
и большущий мандарин,
я нарушу все запреты
и пойду к нему один.

Подарю хоть эту малость
утром праздничного дня,
даже если вдруг за шалость
получу потом ремня.

Слепой

Слепец беспомощный бредёт
поспешно к клубу.
Нахмутив деревянный лоб,
стою, а губы

терзают winston, и дымок
бесшумно – в воздух;
несправедлива жизнь, браток,
когда же – отдых!

Слепой – у двери; чуть открыл;
вошёл и канул.
Но что он всё-таки забыл
с таким изъясном

среди дотошной детворы
с их птичьим писком?
И ради этой вот игры
Во тьме и с риском!

А ты чего-то там ворчал,
дав выход пару,
пока он палочкой стучал
по тротуару...

---

* * *

М. С. Макаровой

И сердце окаменело,
когда схоронила сына,
и чёрный платок на белом
как будто скрывает иней.

Живёт она ровно, впрочем,
с невысказанной обидой;
сначала не видят очи,
потом привыкают видеть.

А радость всегда в фаворе,
не знает она покоя.
Лишь память напомнит – горе
легко пережить чужое.

Своё от слезы чернеет.
А горе своё – бездомно...
И в сердце окаменеет
какой-то кусочек тёмный.

---

* * *

Наставил окна, как стволы орудий,
соседний дом, и редко где-то – свет.
Но, если я пальну ему в ответ
всей темнотою окон, то не будет

от этого ни легче, ни светлей;
две тьмы, сойдясь, друг друга не услышат,
и нити оборвутся, что чуть дышат,
и даже воздух станет тяжелей...

Шар

Как электрическое что-то
стеклянный шар держу в руке.
Там результат ночной охоты
и рыба в маленьком садке.

Там и любви протуберанцы,
на вдохе призрачной весны,
и в небеса несутся санки
по льду заснеженной страны.

То он холодный, то – горячий,
то солнцем полон, то дождём;
то целый мир во мраке спрячет,
то светом вскрыет окоём.

Там всё, что знаю я и помню, –
как птица, бьётся взаперти...
Какой он, Господи, огромный,
но как легко его нести.

---

* * *

И ни в тех и ни в сех,
ни в других и ни в третьих.
Как подумаеть, – смех,
кто-то мелом отметил

долгий путь в никуда
ниоткуда... А впрочем,
был я, знаешь, тогда
настоящим рабочим.

И стоял у станка,
и сшибал заусенцы,
но тянула строка,
точно к соске младенца.

Поступил на филфак
с удальством работяги
и закончил, да так,
что хлебнули и браги.

И, казалось, сейчас
заживу я не криво,
а диплома анфас
обещал перспективу.

Парадоксу сродни
повороты дороги,
А поэты – они –
одинокы, как боги.

Не предвидел, не знал,
что вот так обернётся;
предсказуем финал.
Что ещё остаётся?

Дописать без помех
то, что сердце заметит...
И ни в тех и ни в сех,
ни в других и ни в третьих.

Воробей в метро

Ты откуда взялся здесь
среди мрамора и гама,
променяв простор небес
на готическую яму?

И чирикаешь у рельс
на сверкающем плафоне;
не нашёл получше мест,
кроме лежбища вагонов.

Суется воробей,
подбирая с пола крохи,
но не видно голубей
в нижнем ярусе эпохи.

Всем доволен наш изгой,
как монашек в гулкой келье,
и мотив его простой
удивляет подземелье.

---

* * *

Я умер для безумства, милый друг,
но жив для мира маленьких открытий.
Известно, десять вёрст для пса – не крюк,
а я их тридцать отмахал, и прыти

хватило бы ещё на тридцать, но
давно пора сон отделить от яви.
Я столько лет смотрел своё кино,
да и теперь лишь чувство балом правит.

И всё-таки хочу очнуться и,
вновь выпивая небо, точно виски,
дышать и жить за шторою строки,
не причиняя боли самым близким.

---

* * *

Зажатый временем в тиски,
я разомкнул стальные губки;
бывало, шёл и на уступки,
в карманах пряча кулаки.

Менялось время и генсеки,
но не менялся курс на свет,
какой бы ни сиял портрет
на знамени всея опеки.

И голос вырвался не сразу,
и нет на карте той страны,
но внутренней своей войны
я не проигрывал ни разу.

Подарок или читая Анатоля Франса

В тот незабываемый день уже вечером я понял, что со мной произойдёт что-то необыкновенное. Не прошло и двух часов, как я встретил Анатоля Франса на знаменитом острове неимператорских пингвинов. Сначала я чувствовал себя человеком и, преодолев робость перед великим французом, заговорил с ним. Но, увы мне, он говорил о таких вещах, которые давно недоступны моему неосоветскому сознанию.

Пока он говорил, кожа моя превращалась в пингвинью шкуру, руки, забыв пальцы в карманах брюк, стали похожи на крылья-ласты, и я мог обходиться без ботинок. Вот повезло, – подумал я – теперь обзавестись подружкой – и можно жить, пока не проснул.

И всё-таки тогда я ещё способен был о чём-то думать, хотя и понимал, насколько далёк от меня Франсуа Тибо. Мне хотелось оправдать своё невежество, но разве мог я подумать, что мне удастся извлечь только жалкий нечленораздельный писк из своей прежде звонкой гортани. А потом... а потом я плавал и нырял вместе с другими пингвинами, и мне было так хорошо, что я пытался смеяться. Я не чувствовал, что вода холодна, хотя берега острова были сплошь покрыты толстой коркой льда и припорошены снегом. Я наелся рыбы до того, что угощал ею свою подружку – пингвиниху.

О, рыба! Если бы я не был пингвином, я посвятил бы тебе оду или написал трактат в духе «Поэтического искусства» Буало. Я воспел бы каждую чешуйку, каждую косточку, каждый плавничок и, конечно, твой божественный вкус.

О, подарок судьбы! – я вообще перестал думать. Я чувствовал себя гениальным самцом-пингвином и щущал каждой клеткой своего тела, как гаснут во мне лампочки второй сигнальной системы, а ёлочные фонарики первой всё ярче и ярче светятся в темноте.

Но почему он выбрал меня? За какие заслуги? Если бы я умел говорить, а не только писать лапою на снегу, я попросил бы его превратить весь наш народ в пингвинов, и всем было бы хорошо. Ах, французы, разве могли они по достоинству оценить этот гениальный труд!

Реклама: Остров пингвинов – это идиллия и верх совершенства! Приезжайте и вы обретёте забвение и отдых!

Наш адрес: Сон под ёлкой в Новогоднюю ночь; телефон: ВО-ОБ-РА-ЖЕ-НИЕ; обращаться после полуночи.

Но зачем позвал меня тот седой человек? Я его не знаю. И потом, если человек, значит, наверняка, – враг! Я боюсь его, но всё-таки осторожно иду на зов. И он, улыбаясь, гладит меня по голове...

1991 г.

Библиография

1. Стихотворения // Коллективный сборник «Современники – 88» . г. Горький, 1988 г.
2. Стихотворение // Сб. «Потом», Бостон – НН, 1998.
3. «Кто есть кто в Нижегородской области» (информационно-биографическое издание). Выпуски первый и второй. 1998, 2000.
4. Стихотворения // Сб. «Голоса надежды», Н. Новгород, 1993.
5. «Зимние астры», книга стихов, Н. Новгород, 1996.
6. «Равновесие», книга стихов, Н. Новгород, 1998.
7. «Свет мой», книга стихов, Н. Новгород, 2001.
8. «Млечный сад», книга стихов, Н. Новгород, 2004.
9. Стихотворения // «Паровозъ», поэтический альманах СРП, Москва, 2013.
10. Стихотворения // «Лёд и пламень», литературно-художественный альманах СРП, Москва, 2013.

Оглавление

Зимние астры (1996 г.)	3
Атмосферу любви	3
Если бы сердце было послушно, ...	5
Я людям желаю света, добра и счастья.	6
Этот город построен для видных	7
Не о заводе	8
Прикомандированный инженер	9
Я уношу с завода только грусть	10
Я не очистился, о, нет	11
Я догоняю собственную жизнь	12
Говорят, что несчастье роднит	13
Когда стихает буйство дня	14
Птица моя с перебитым крылом	15
Зимние астры	16
Вожак	17
Стрижи нарежут воздух на полоски	18
Другу	20
Моих друзей земные голоса	21
Земная кастрюлька кипит от горячего света.	22
Я не хочу быть Чингисханом	23
Гость	24
Мир вечером становится ребенком	25
Муха	26
Попугчица	28
Сойти с ума от мартовской капели	29

Маргарита	30
Пробуждение	32
В глухом краю жестоких и ранимых	33
Если в жизни моей будет всё хорошо	34
Покажите мне поле сражения	35
Робинзон	36
Памяти мамы	37
Судьба распоряжается, как хочет	38
Слон	39
Мне дым Отечества не сладок	40
Саванна	41
Своей дорогой	44
Дети подземелья	50
Рубаи	51
Равновесие (1998 г.)	54
Горы белой бумаги	54
Равновесие	56
Какие злые времена	57
Одиссей	58
Жизнь ведёт к трагической развязке	60
Когда заносчивый босьяк	61
Величайшая из заслуг	62
Плюсквамперфект или давно прошедшее время	63
Если одиночество	64
Вспоминая о спорте	65
Как хорошо сегодня у реки	66

Я в прошлой жизни был беспечной рыбой	67
Хорошо на привольной реке	68
Разнежье	69
Нас заставляют тихо вымирать	73
Я рассказываю себя людям.....	74
Поэзия	75
Баланс	76
Я обречен любить и помнить	77
Он удивляет как-то сразу.....	78
Сосед.....	79
А крылья, что живут ещё под кожей	81
Не синица в руке дорога	82
Сонет.....	83
Свет	84
Мир	85
Мысль о Творце приходит, точно свет.....	86
Душа и Время.....	87
Свет мой (2001 г.).....	90
Нам не грозят ни слава, ни успех.....	90
Я сделал меньше, чем дано мне было	91
Я не устал платить сполна	92
Мне сорок с хвостиком. Весна	93
Я обречён на одиночество, ...	94
Ах, боже мой, какое наслажденье.....	95
Просто лёжа на поляне.....	96
В жутком свете ночных вакханалий.....	97

Читая Ницше	98
Ах, боже мой, повсюду вижу маски.....	99
Как всё-таки мало на свете людей.....	100
Моя сиамка	101
1999	103
Не может быть, чтоб век грядущий	104
Искушение	105
Жёлтый цвет – не цвет измены	106
Под дождём	107
Жалею всех, кого ни встречу.....	108
Я задышал спокойнее и глубже.....	109
Только свет изнутри	110
Тяжёлый сон похож на бред	111
Любовь и Свет. Всегда Любовь и Свет	112
Он даже казнь свою простил	113
Поэт и Горожанин.....	115
Млечный сад (2004 г.)	117
Как ни глумится жизнь над нами	117
Земные этюды	118
Воображение	121
Я встретил женщину земную.....	122
Посмотри на меня хорошо	123
Я всё равно Вам благодарен	124
Мне хорошо от мысли о тебе.....	125
Любовь со мною не умрёт.....	126
Оглядываясь вокруг, не вижу	127

Я без тебя когда-нибудь умру	128
Я собираю женского сердца осколки	129
Как обмануть себя искусней.....	130
Я себя от тебя отпускаю	131
Хотел бы имя твоё произносить внятно.....	132
Нет, нет, мой друг, реальность не права	133
Память	134
Как долго отступает давний бред	136
Пытаясь овладеть искусством лжи	137
Как мы смешны пред Вечностью полночной	138
Я рад тому, что ты так рада	139
Хорошо, если встретишь	140
Он.....	141
Я счастлив тем, что мне дано	142
Над рекой туман молочный.	143
Я так люблю приветливые лица.....	144
Я остаюсь собою, несмотря.....	145
Стихотворения последних лет	146
Друг другу доставляем неудобства.....	146
Что тревожит тебя в этот час?.....	147
Зима – в начале.	148
Когда бредёшь погостом утром ранним.....	149
Если в "Государстве" Платона	150
А всё же есть причина.....	151
Опять весна	152
Кредо.....	153

Осень	154
В осеннем парке	157
Осень	158
Лист формата А-четыре	160
Неуловимо-странно	161
О первой любви.....	162
Старый двор.....	163
Сонет	164
Встреча.....	165
Но как мне пережить	166
Стриж	167
Не родившемуся внуку.....	168
Колодец.....	170
2010	171
Птицы.....	172
О вечном мыслить я устал	173
Сухой цветок смущает вазу	174
Экспромт.....	175
На даче	176
Банька.....	177
Листья	178
Неупиваемая неба чаша.....	179
Единственная.....	180
Две строки	181
Всё по-прежнему, друг, всё по-прежнему	182
Стансы.....	183
Мой ближний круг сужается до точки.	184

Другу – поэту	185
Снег	187
Не хочу стрелять даже в тире	189
Взревел истребитель над крышами дач.....	190
Костёр	191
Зимний этюд	192
Валера	193
Слепой	194
И сердце окаменело.....	195
Наставил окна, как стволы орудий	196
Шар	197
И ни в тех и ни в сех.....	198
Воробей в метро.....	200
Я умер для безумства, милый друг	201
Зажатый временем в тиски	202
Подарок или читая Анатоля Франса.....	203
Библиография	205

Чесноков Александр Борисович
Я обречен любить и помнить...

WWW.DARIKNIGI.RU, 2017. – 214 с.

Подписано в печать 04.12.2017. Формат 145 x 205 мм.
Тираж 120 экз. Заказ № 104320.

